

ОДНА ПТИЧКА

НАЧИРИКАЛА

сборник сказочных историй

ЗЛАТА ИВОЛГА

12+

Злата Иволга

Одна птичка начирикала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67870023

SelfPub; 2022

Аннотация

Волшебные истории о сказочных приключениях. Как и всякие истории, они начинаются с мечты или с задачки, что загадала сама жизнь. Судьба выдергивает героев из размеренного существования и бросает в круговорот испытаний. Справятся ли они, разгадают ли тайны и обретут ли искомое? Вы все узнаете, отправившись в путешествие вместе с ними!

Содержание

О красавицах и чудовищах	4
Зло в песках	36
Черноградский детектив. Затянувшаяся тризна	74
Черноградский детектив. Сердцу не прикажешь	102

Злата Иволга

Одна птичка начирикала

О красавицах и чудовищах

– Фрекен, коляска-то ваша совсем плоха. Да и в грязи на-
мертво застряла. Коли вытащите — так совсем развалится.

Признать правоту старика-лавочника не позволяло
упрямство и злость на то, что все сложилось именно так.

– Так и будете возиться? Или на подмогу кого позвать?

Руки были грязные, два ногтя сломались, а в ботинках
булькало жидкое нечто.

– А лучше оставьте-ка вы эту рухлядь. Я у вас ее куплю,
буде так угодно. За седло, скажем. И вы можете на коне ска-
кать себе дальше.

Старик вытянул шею в ожидании ответа. Оставив нена-
вистную коляску, я села на груды камней и опустила руки.
Во всех смыслах.

– Делайте, что хотите. Отдам коляску за хорошее седло.

– Ага, фрекен, — обрадовался лавочник. — Вы подожди-
те, я за ним сбегаяю.

Пока он ходил, я лениво осматривала унылый пейзаж во-
круг, мерзкое серое небо и чахлые кустики вдоль дороги, и
размышляла об обстоятельствах, которые поставили меня в

такое жалкое положение. Мои родители, младший брат или мое нежелание жить как все люди.

Многие девушки моего возраста (как я не люблю это слово) умерли бы от счастья, если бы родились в моей семье, а точнее, в королевской семье. Слуги, наряды, почтение и никаких обязательств, кроме придворного этикета. Да, и еще замужества. Собственно, с него-то все и началось.

Отец и мать баловали меня, несмотря на то что я была старшая. Брат рос в большей строгости, как и положено наследнику престола, но и он не был обделен любовью наших коронованных родителей. И все было прекрасно до тех пор, пока они не задумались о наших браках.

За год, пригласив ко двору нескольких претенденток, выбрали невесту брату, а вот со мной получилось не так гладко. Дело в том, что на середине процесса нанесения взаимных визитов я поняла, что вообще не хочу замуж. Нет, я, конечно, знала, что это необходимо, и так все делают, и всем людям необходима пара и семья, однако мое внутреннее «я» было с этим в корне несогласно и подкидывало мне неудобства в поведении и общении.

В результате противоположный пол в лице принцев, а потом уже и просто графов и баронов (трудно представить отчаяние моего отца) разбежался, а я осталась в мире с тем самым «я» и с чувством, что я плохая и неблагодарная дочь.

Помню, как мой брат накануне своей свадьбы сказал мне: – Вообще, я даже рад, что ты разогнала всех женихов. Те-

перь не надо беспокоиться о том, кто будет нянчить наших с Норой детей. Они будут называть тебя тетушкой Гретой, а когда ты состаришься — помогать искать твою пенсене.

— Смотри, чтобы тебя благодаря твоей Норе в будущем не прозвали королем-подкаблучником. Так и войдешь в историю.

— Лучше я буду Рихардом Подкаблучником, чем Гретой Старой девой, — хихикнул братец.

— Это тебе обязательно надо жениться, а я вольная птица. — Плохо, что я повысила голос. Значит, ему удалось меня разозлить.

— Ага, вольная... словно неуклюжий дракон раскидала своими крыльями всех, даже самых захудалых женихов. Странно, что отец не пообещал тебя выдать за какого-нибудь мрачного кузнеца... ай! — это я стукнула брата плотной подушкой.

— Что за дурацкие шутки, какого еще кузнеца?

— Ну как... — Рихард весело посматривал на меня из-за своего убежища-стола. — В некоторых королевствах так и делали. Говорят, что это способствует улучшению восприятия окружающего мира и осознанию собственного места в нем.

— Какая чушь! Сказки все это! Родители никогда со мной так не поступят! — Я чувствовала, что мой голос срывается на плач, но ничего не могла поделать. И почему меня так задел этот разговор?

— Гм... Не знаю, не знаю... Из милосердия тебе могут дать выбрать — либо нянчиться с племянниками, либо замуж за кузнеца.

— Не желаю слушать тебя! — закричала я и убежала в свою комнату.

Смешной детский поступок. Уж в двадцать пять лет можно было ответить пожестче. Тем более сопливному мальчишке, которому едва сравнялось девятнадцать.

Сейчас, сидя на холодном камне и дожидаясь лавочника с седлом, я снова почувствовала гнев и беспомощность, которые тогда не давали мне уснуть.

Свадьбы Рихарда я не дождалась. Проведя ночь в библиотеке, к утру я сбежала. И виной тому были злость, обида, осознание собственного ничтожества, а также старая хроника, найденная случайно среди покрытых пылью книг.

Умудренные опытом седые старцы, вроде того, что предложил купить сломанную коляску, посоветовали бы мне вернуться в колыбель, чтобы вырасти из бабкиных сказок. Потому что только ребенок поверит в истории подобные той, что я прочитала в этой книге.

Кряхтя и отдуваясь, старик нес седло, а с ним шел мальчишка, который тут же кинулся распрягать коня. Я молча смотрела, как они освобождали коляску и прилаживали седло.

— Все готово, фрекен, — поклонился старик. — Можете продолжать свой путь.

Я залезла в седло, которое оказалось не таким плохим, как я предполагала и, отказавшись от еды и мытья рук, поехала дальше. Есть не хотелось, а руки и без того были настолько грязные, что вода из местного корыта их все равно не спасла бы. Скоро должен показаться город, а там наверняка найдется приличная гостиница. Я сверилась с картой, предусмотрительно прихваченной из отцовских запасов. Она была явно моложе книги, по которой я ориентировалась, но я надеялась, что расхождения в географии окажутся незначительными.

Увидев красивый, ухоженный и на редкость цивилизованный город, я воспрянула духом. «Ничего, — бормотала я себе под нос, спешиваясь возле первого же здания с вывеской «Гостиница». — Я вам всем покажу, как надо мной смеяться».

Улыбчивый хозяин взял деньги и проводил меня в комнату, не высказав ни единого замечания насчет моего внешнего вида. До чего вежливый человек!

Горячая ванна расслабила меня окончательно, и я, преисполненная самых обнадеживающих мыслей, задремала.

Во сне мне привиделся город. Только теперь он был не таким красивым и ухоженным. Его словно полили грязными красками, похожими на ту несуразную смесь, которую мы с Рихардом в детстве умудрялись сотворить на уроках живописи. Нечто коричнево-серое. По улицам бегали какие-то странные создания: то ли собаки, то ли крысы, то ли что-то

среднее между ними. Они забирались на стены и крыши домов, чтобы оттуда спрыгнуть на редких прохожих.

Испугавшись тварей, я забежала в ближайшую открытую дверь и оказалась в библиотеке. По крайней мере, об этом можно было судить по множеству книг на полках. Я кинулась искать ту самую книгу, которую прочитала у себя в замке, забыв, что взяла ее с собой в дорогу.

Испачкав руки и одежду в коричнево-сером веществе, что покрывало все вокруг, я отыскала толстый том и жадно бросилась листать его. Удивительно, но в этой книге попадались страницы, которых не было в моем экземпляре. Попытка прочитать их в полутьме вызвала головную боль, с которой я и проснулась в уже остывшей ванне.

Я ошеломленно озиралась, пытаясь разграничить сон и явь. Комната светилась чистотой. Встав и наспех обсушившись полотенцем, я накинула нижнюю рубашку и подошла к окну — ничего похожего на грязный кошмар, представший передо мной недавно.

Невольно вспомнился наш придворный составитель гороскопов и его рассказы о снах. По его мнению, к снам следует прислушиваться, поскольку именно в них заключены решения большинства жизненных проблем. Так неужели я видела какое-то предостережение?

Однако минуты задумчивости прошли, и я стала решительно собираться к ужину. Мне предстояло еще выяснить последнюю щекотливую деталь в моем гениальном плане —

узнать, не является ли старая хроника, на которую я ориентировалась, от начала до конца сказкой. Случись так — и я буду вынуждена терпеть насмешки брата и удрученные взгляды родителей до конца своих дней.

На самом деле, времена настоящих волшебников давно миновали. Короли, конечно, подобно моему отцу, держали при дворе личностей, занимающихся предсказаниями судьбы и погоды, толкованием снов и тому подобного. Но они, по их же словам, были лишь бледной тенью прошлого. Даже история моего маленького королевства хранила кучу сведений о великих магах, что жили когда-то. А также о всяких происшествиях, о которых за давностью лет все позабыли. И именно на правдивость и совесть некогда жившего историка я возлагала все свои надежды.

Улыбчивый хозяин гостиницы разговорился легко, только теперь он слушал меня недоверчиво и серьезно. Надо сказать, это приободрило меня, я боялась, что он начнет смеяться.

— Мне нужны все старые и новые слухи о том месте, где мог находиться этот замок, — закончила я и осторожно выдохнула.

— Но это было так давно, фрекен... — нерешительно протянул хозяин. — Вроде бы старый замок наших королей действительно стоял в другом месте. И сейчас там непроходимые леса. Почему правители бросили город-столицу, никто не знает, но говорили всякое. Большинство этих рассказней,

несомненно, сказки, фрекен, — он развел руками.

— А что именно рассказывали?

Конечно, я могла просто показать ему хронику и спросить, насколько ей можно доверять, но что-то в его жестах и взгляде насторожило меня.

— Ну... злые колдуны, проклятия, чудовища... Возможно, им просто не понравились место или погода, вот и уехали.

Теперь вновь появившаяся улыбочка хозяина выводила меня из себя. Да, конечно, жили себе короли в столице, а потом с какой-то радости решили ее перенести. Уж я-то знаю, насколько это должно быть хлопотно — перевозить весь королевский двор с места на место. Однако кое в чем хозяин попал в цель: в хронике тоже говорилось про проклятие.

— Может, вы подскажите мне место, где я смогу больше узнать об истории вашей страны?

— Конечно, фрекен. У нас есть отличная библиотека.

Я вздрогнула, вспомнив свой сон, и с трудом заставила себя выслушать, где находится нужное мне здание.

Несмотря на то, что приближалась ночь, я не стала терять время, и решила найти библиотеку. Возможно, мне удастся поговорить с работниками?

И конечно, сердце мое упало в пятки, когда улица и здание библиотеки оказались точно такими, как я видела во сне. Разве что без грязи и скачущих вокруг зверей.

Внутри было светло и тихо. Я медленно прошла между полок и глазами отметила то место, откуда во сне взяла кни-

гу.

— Чем я могу помочь? — раздался дребезжащий старческий голос.

Ко мне шла пожилая женщина.

Я достала свою книгу и протянула ей.

— У вас есть похожий экземпляр?

Я спросила это неожиданно для себя. Сначала просто собиралась узнать, что библиотекарь думает о правдивости этого автора. Если бы не сегодняшний сон.

— Как интересно. Я и не знала, что нашу старую историю переписывали для других стран. Конечно, у нас есть полное издание.

— Полное? — Так вот к чему были эти страницы, которые я не смогла прочитать во сне. Как бы мне сейчас пригодился наш придворный прорицатель!

— Конечно, — улыбнулась мне библиотекарь. — Переписчики увозили с собой сокращенную версию. А мы любим свою историю и бережно храним ее.

— Я могу посмотреть вашу книгу?

— Разумеется. Присаживайтесь, где вам удобно, я принесу.

Я проследила за тем, как женщина подошла к полке, взяла толстый том и направилась к своему столу, видимо, чтобы сделать положенную отметку. Все верно, то самое место. Если бы я могла тотчас же встать и убежать отсюда, я бы непременно это сделала. Но перед моим мысленным взором проплыли укоризненные лица родителей и, что еще хуже, сме-

ющеся — Рихарда. Поэтому я готова была кинуться даже в более опасное дело, нежели то, которое сейчас пыталась расследовать.

— Скажите... — я с некоторой опаской посмотрела на толстую книгу, которую услужливо положила передо мной библиотекарь. — Скажите, а как давно кто-нибудь брал эту хронику?

— О... — старушка замялась. — К сожалению, мало людей сейчас интересуется своим прошлым. К тому же уважаемого Ингве считали просто выдумщиком, недостойным звания историка. Лет десять его книга пылилась на полках. И, если вам интересно, то последней ее брала юная дама.

«Ну еще бы, — пронеслось у меня в голове. — Еще одна охотница за богатством и мужем. Вот будет досада, если ее поиски увенчались успехом, и мне достанется пустая бочка».

С этими не очень обнадеживающими мыслями я принялась искать страницы, которых не было в моем издании. Где-то через пару часов я вспомнила, что уже, должно быть, поздно, и библиотека скоро закроется.

— Простите, уважаемая, — окликнула я библиотекаря.

Мне никто не ответил, и я позвала второй раз. Потом третий. Неужели она заснула? Мне стало стыдно, что я задержала пожилого человека. Наверное, следует найти ее, тихо положить на место книгу и удалиться.

За столом библиотекаря не было. Могла ли она забыть про меня и спокойно уйти домой? Я осмотрела зал, предназна-

ченный для посетителей, прихожую. Ни души. Мрак бесконечных стеллажей казался жутким, и пойти туда я не смогла себя заставить. А если совсем честно, то за несколько минут я успела здорово испугаться. Раньше я никогда не думала, что настолько боюсь темноты.

Рассердившись на себя, я положила книгу на библиотечкарский стол и решительно подошла к двери. Может, старушка просто куда-нибудь отлучилась? Но дверь оказалась заперта.

Каждый из нас хоть раз в жизни, но оказывался в глупом положении. И обычно из него всегда два выхода: либо звать на помощь и смириться с тем, что это самое положение будет раскрыто, либо сидеть тихо в надежде, что все само собой разрешится.

подавив первое желание начать стучать в дверь с целью привлечь внимание прохожих, я прислонилась к стене и попыталась привести мысли в порядок. Ночевать в библиотеке было, несомненно, приятнее, чем, скажем, в уборной (слава всем богам, такого со мной еще не случилось!), однако меня никоим образом не радовала эта перспектива. Во-первых, здесь кроме столов и лавок ничего не было, а во-вторых — и это было самое скверное — мой страх стал набирать обороты. Теперь мне казалось, что из темноты бесчисленных полок с книгами доносятся звуки. Минут через пять я была уже уверена, что они приближаются. Я злилась на себя и боялась одновременно.

Не знаю, сколько я простояла, прижавшись к стене, когда дверь внезапно распахнулась. И прежде чем я успела вскрикнуть от неожиданности, в библиотеку вбежал какой-то человек, быстро захлопнув за собою дверь.

— Вы все-таки здесь, любопытная особа.

— Да что вы себе позволяете... — начала я и осеклась.

Человек не стал нападать на меня, убивать или грабить, чего, надо сказать, я, несомненно, ожидала. Он остановился напротив меня и принялся рассматривать словно какой-то диковинный вид насекомого. Одет он был в непонятный плащ (в детстве мы с Рихардом называли такие хламида-монада) с капюшоном, из-под которого блестели одни глаза. Прямо злодей из спектаклей, которыми нас развлекали при дворе. Я невольно улыбнулась.

— А, так вам еще и смешно. Старая Торгерд рассказала мне, что очередная сумасшедшая решила устроить себе романтическую прогулку в проклятый замок.

— Так меня намеренно закрыли здесь? — возмутилась я.

— Это было необходимо. Если вы соблаговолите присесть, я объясню, почему вам надо отказаться от своей нелепой затеи.

Не спрашивая моего согласия, он прошел к ближайшему стулу.

— Я не думаю, что вы или кто другой имеете право вмешиваться в мои дела, — насколько могла холодно заявила я.

— Глупая девушка, ты не представляешь, с чем ты имеешь

дело.

– Между прочим, вы разговариваете с принцессой, так что я попрошу...

– Еще лучше. Всегда считал, что королевские особы хорошо образованы и, несомненно, умеют рассуждать здраво.

Я уже открыла рот, чтобы разразиться гневной тирадой, но вовремя поняла, что только потешу этого человека. Если уж он так желает поговорить — что ж, его можно выслушать. Однако как мне дальше поступить, решаю только я.

Я села на стул, стараясь придать себе смиренный вид. Незнакомец недоверчиво посмотрел на меня.

– Вам известно, что произошло в том месте, куда вы так желаете попасть? — спросил он.

– Конечно. Я прочитала все хроники, которые смогла достать.

Мужчина продолжал сверлить меня взглядом, и я, вздохнув, продолжила:

– Когда-то у одного короля родился сын, и он устроил в честь этого события величайший праздник. Все шло хорошо, пока не явилась его бывшая жена, которую он сослал для посвящения в жрицы, поскольку не дождался от нее наследника. Она прокляла новорожденного принца, и тот превратился в чудовище, которое обречено было оставаться таким, пока какая-нибудь девушка его не полюбит. Шли годы, принц вырос, но девушки приходили в ужас от его вида, и ни одна не захотела стать его женой. Когда король и королева

умерли, принц заперся в замке и больше не выходил оттуда. Он не мог умереть из-за проклятия и сделал так, чтобы народ забыл его. Люди покинули город, и одинокий замок зарос лесом. И по сей день принц-чудовище ждет ту единственную, которая освободит его от проклятия и одиночества.

– Какая потрясающая память. А вам в детстве не говорили, что не всегда можно верить тому, что написано в книгах?

Я почувствовала, что мое с трудом обретенное спокойствие пошатнулось. Слишком быстро. Неужели я позволю снова вывести себя из равновесия? До сих пор это удавалось только моим родным.

– То есть ваш Ингве Торвальдсон — автор самой известной книги, лгал? — услышала я свой голос. Он был ровным, и я немного успокоилась.

– Ему не позволили написать всю правду. И он решил сделать из истории сказку. В конце концов, он не первый хронист, кто этим занимался.

Незнакомец вздохнул, прошелся по комнате, взял стул, поставил его напротив моего и сел. Плащ, однако, остался на нем.

– Конечно, частички правды хроника все-таки содержит. Например, что касается двух жен короля Хагена.

Меня хватило только на то, чтобы заинтересованно приподнять брови. Я чувствовала, как мои мечты летят в пропасть. Теперь Рихард будет смеяться надо мной всю жизнь, а родители не спускать печального взгляда.

– Королева Лиоба действительно не смогла родить Хагену наследника, и он настоял на том, чтобы брак признали недействительным. Но многие считали, что он намеренно избавился от Лиобы, поскольку та была еще и чужестранкой, за что ее не любили при дворе. Королеву отправили в храм Фригг, чтобы она пополнила ряды служительниц. Новая королева Сольвейг родила сына, которого называли Харальдом. На праздник в честь рождения принца Лиоба не приходила и показательно никого не проклинала. В положенное время она прошла посвящение в жрицы и всю жизнь провела при храме Фригг, как считали, в мире и спокойствии. Однако у Хагена и Сольвейг дела шли не столь хорошо. Короля начали мучить головные боли, приступы гнева, появились провалы в памяти. Принц Харальд рос слабым, болезненным и нервным. Однажды король в ярости ударил королеву, и та скончалась. По двору поползли шепотки, что надо бы что-то сделать с разбушевавшимся правителем. Попытались составить заговор в пользу принца Харальда, но Хаген узнал о нем и намеренно жестоко расправился с заговорщиками. После этого пошли слухи, что Лиоба прокляла короля. Более того, нашлись даже свидетели, которые слышали это лично, и те, кто утверждал, что бывшая королева была чародейкой. Измученный болезнью и слухами Хаген со свитой поехал в храм Фригг, чтобы призвать к ответу отвергнутую жену. И когда он вернулся, то наступило поистине бедствие. Король Хаген меньше чем за месяц превратился в страшное чудови-

ще, которое погубило весь двор и большую часть города. Выжившие люди во главе с принцем Харальдом в панике бежали. Но потом оказалось, что проклятие — на сей раз настоящее и сгубившее короля Хагена — коснулось и всей страны. Оно расплзлось от брошенного замка, неся темноту и ужас и мешая жить мирным людям. Принц Харальд, рискуя жизнью, отправился к своему чудовищу-отцу, чтобы попытаться прекратить все это. От почти лишившегося разума Хагена он узнал, что Лиоба действительно прокляла его и весь род за то, что он отрекся от нее. Теперь несчастный король обречен жить в образе чудовища, а потомки должны стеречь его и замок, чтобы помешать проклятию окончательно расправиться со страной.

Повисла пауза. Я отчаянно старалась не позволить рухнуть своему достоинству вместе с моей челюстью на не очень чистый пол библиотеки.

— Но... но как же... — я запнулась.

— О, понимаю, — иронично произнес рассказчик. — Вы думаете о том, что выйти замуж за полубезумного старика-чудовище, которое не расколдовать, это совсем не то, что выйти за принца-чудовище, который от великой любви превратится в красавца.

— Не смейте смеяться надо мной! — выкрикнула я, впрочем, понимая, что моя бравада уже ни к чему: я позорно и постыдно проиграла. Как жаль, что проклятие не зацепило и этого вруна Ингве! — А потомки Хагена так до сих пор и

охраняют замок? — спросила я, желая уцепиться за останки своих надежд.

— Принц Харальд ушел, оставив престол дальнему родственнику покойной королевы Сольвейг. Внуку Харальда удалось узнать о несчастье, постигшем семью, немного больше. Какая-то старуха-жрица рассказала перед смертью, что королева Лиоба спустя несколько месяцев после ссылки в храм родила ребенка — мальчика, которого назвала Сигурдом. Когда спустя несколько лет король приехал к ней, она потребовала посадить на престол своего сына. Хаген отказался и вроде бы попытался избавиться от мальчика, которого не считал своим сыном. В результате Лиоба наслала проклятие, предупредив, что избавиться от него удастся только когда законный король сядет на трон. Так что, как видите, романтики здесь мало.

— Да уж, — я облизала внезапно пересохшие губы. — А... а что стало с мальчиком — сыном Лиобы?

— Говорили, что Лиоба отослала его на свою родину. Но, возможно, он умер еще в раннем детстве. Если бы не та старуха, то о нем вообще бы не узнали.

— Но проклятый король знал?

— Наверняка.

У меня в голове зашевелилось какое-то воспоминание, связанное с тем, что совсем недавно сказал мой собеседник. Однако, прежде чем я успела ухватить мысль за хвост, она сбежала. Я постаралась снова сосредоточиться на насущной

проблеме.

— Но... но если мальчик действительно был законным наследником и умер, не оставив потомков, то как же теперь снять проклятие?

— Замужество тут точно не поможет, — ядовито проговорил мой собеседник.

— Я и сама догадалась, — сердито буркнула я.

— Прекрасно. Тогда мы подождем утра, и я провожу вас в гостиницу, где вы сможете собрать вещи.

— А кто вам сказал, что я уже собираюсь уезжать? — с вызовом спросила я. Просто поразительно, меня еще никогда так нахально не выпроваживали!

— В общем-то, это ваше дело — оставаться или нет в проклятом городе. Главное, что вам больше не придет в голову искать старый замок.

— Да что вы! — вот теперь я рассердилась, четко ощутив всепоглощающее желание сделать назло. — А я вот подумала, раз уж мне не досталось мужа, почему бы не забрать сокровища? Хотя бы казну отца пополню.

Я смотрела на незнакомца, искренне надеясь, что замолчал он от неожиданности и теперь трижды подумает, прежде чем так бесцеремонно выставлять меня вон из города. Кстати....

— И еще вам не мешало бы представиться.

— Как пожелаете, — пожал плечами мужчина, одновременно скидывая с головы капюшон. — Я Харальд.

Я взглянула на грустное лицо с красивыми четко очерченными скулами. Его глаза неожиданно оказались ярко-синими, как холодное море под солнцем, а волосы цвета платины были заплетены в косу, как я успела заметить, по моде этих мест.

— Какое совпадение, — я с трудом заставила себя отвести от него глаза. Право же, я должна вести себя вежливо.

— Это не совпадение. Это семейное имя.

— А... — от неожиданности я запнулась. Мысли устроили в голове настоящий шторм. — А я принцесса Грета.

— Очень приятно. К сожалению, давно не принц.

— Ну почему же? Ведь...

— Если вам так угодно, то да, — он мне улыбнулся, но я не поняла, что могло его рассмешить.

Вне себя от смущения, которое я внезапно ощутила в присутствии... кхм... принца Харальда, я вскочила со своего стула и принялась ходить туда-сюда по комнате.

— Так. Я теперь поняла. Значит, вы даете отворот-поворот всем женщинам, которые приезжают за легендой о заколдованном принце, потому что настоящее чудовище до сих пор живо и опасно?

Харальд молча кивнул.

— Так, — повторила я. — И это чудовище — ваш прапра... и так далее дедушка?

— Первый Харальд был прадедом моего деда.

Я попыталась посчитать, но быстро оставила это занятие.

В конце концов, так ли это важно? Я походила еще, краем глаза отмечая, что Харальд наблюдает за мной, причем улыбаясь при этом. Неужели я так смешно выгляжу? Я вернулась на свой стул и шумно выдохнула.

– И за все это время никто так и не придумал, как избавиться от проклятия?

– Мы только что говорили об этом. Для этого надо найти потомков сына Любы, если они вообще существуют. Пока все попытки были неудачными.

– А... чудовище... оно разумно?

Харальд посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Конечно нет. Мне не приходило в голову даже посмотреть на него, не то что разговаривать.

– Но ведь Люба могла сказать ему о своих планах перед тем, как проклясть, — возразила я. — А вы и ваши предки, кроме, разве что сына, даже не пытались его разговорить.

– Разговорить безумное чудовище? Вы понимаете, что сказали?

– Оно все-таки человек. В какой-то мере. А у вас, по вашим же словам, все плохо с этим старым проклятием. При этом вы занимаетесь только тем, что охраняете старый замок и гоняете охочих до замужества дам.

Харальд медленно поднялся со стула и сделал шаг ко мне. Лицо его при этом не выражало ничего хорошего.

– Если вы считаете себя такой умной, то можете сами поехать и заняться этим.

— И поеду, — я тоже встала.

— Вы даже не знаете, где искать замок.

— У меня с собой карты. Какая-нибудь из них подойдет.

Если вы, конечно, не захотите сопровождать меня.

Харальд теперь стоял совсем близко, и меня не утешило то, что я оказалась ростом ему по шею. Я с вызовом подняла голову, давая понять, что меня не просто запугать.

— Зачем вы это делаете? Неужели разочарование от потери сказочного замужества настолько велико, что вы готовы лезть в пасть к чудовищу?

— Рихард будет всю жизнь смеяться надо мной, а родители смотреть с укором, — проворчала я, опуская глаза. Аргумент был глупый и детский, но разве мог знать этот красивый спокойный человек, как отравляют жизнь подобные вещи.

— И вы предпочитаете чудовище жизни со своей семьей? — неожиданно улыбнулся Харальд. Шутник... Смешно, просто обхохочешься...

— В общем, или вы идете со мной, или я иду одна. Я спасу всех, и мне поставят памятник благодарные жители. А вас закидают тухлыми овощами, — прибавила я, вспомнив некоторые провальные спектакли при дворе отца.

Я отпрянула от него, подошла к двери и, распахнув ее, застыла на пороге, услышав предостерегающий возглас:

— Осторожнее, в городе нельзя гулять по ночам.

— Это почему же? — обернулась я и тут же почувствовала, как что-то упало мне на плечи. Что-то небольшое и...

живое. Я скосила глаза и увидела знакомое гадкое существо, чья отвратительная, похожая на крысиную, морда скалилась мне в лицо.

Издав громкий, не приличествующий моему сану визг, я попыталась спихнуть с себя пакость. Тут же вспомнился мой сон в гостинице. Твари, прыгающие по крышам домов, были как две капли воды похожи на то, что меня атаковало.

Сильная рука схватила за плечо, затаскивая внутрь. Существо с писком слетело с меня, дверь захлопнулась, а я, от неожиданности и испуга потеряв равновесие, повалилась на пол. Мой спаситель, которому я грозила несвежими овощами, поспешил подхватить меня — весьма неудачно, и рухнул вместе со мной. Пытаясь отдышаться и прийти в себя, вдруг осознала, что на мне лежит тяжелое тело. Я смущенно заглянула в синие глаза.

— Похоже, вы лишили меня выбора, и мне придется идти с вами, — сказал Харальд странным хриплым голосом. — Иначе ваши обглоданные кости будут на моей совести.

До проклятого замка пришлось добираться дольше, чем я рассчитывала. Мы ехали все утро, день, вечер и только к полуночи прибыли к нужному лесу. Харальд настаивал на том, чтобы сделать привал, не углубляясь в лес, я же считала, что небезопасно ночевать на открытой местности.

— Хищники лучше разбойников. Они не умеют разговаривать и думать, — сказала я. — К тому же нам не обязательно

далеко углубляться.

— Ваше Высочество не отрубит мне голову, если я скажу, что начинаю жалеть об этом путешествии? — сквозь зубы произнес Харальд, спешиваясь.

— Я не заставляла Ваше Высочество.

— О, безусловно.

— Но вы почему-то поехали?

Он посмотрел на меня и промолчал. Мне стало не по себе, и я тоже поспешила слезть с лошади, чтобы провести ее в лес.

— У вас есть план? — спросил Харальд многим позже, заставив меня вздрогнуть: мы не разговаривали уже около часа.

— Конечно. Я собираюсь поговорить с ним. — Я уткнулась носом в одеяло, под которым лежала. Становилось прохладно.

— Прекрасный план, — выдохнул он.

— К тому же у меня есть вы, а вас он может узнать.

— Да, — медленно сказал Харальд. — У вас есть... — он замолчал и продолжил уже о другом: — Ночью будет холодно, и я осмелюсь предложить вам придвинуться ближе ко мне.

Посчитав предложение разумным, я последовала ему, с тоской вспомнив ванну в гостинице. Возможно, в старом замке есть какие-нибудь удобства. Злосчастный старый король не мог совсем одичать. Ну, та же ванна, камин, горячая

еда... Я зевнула и скоро провалилась в сон, чтобы проснуться утром с ощущением того, что меня обнимает теплая рука, прижимая к не менее теплой груди.

Высвободиться из таких уютных объятий не хотелось, и я стала рассматривать своего попутчика. Через несколько минут мне пришло в голову, что я, наверное, веду себя неприлично. Хотя здесь нет родителей и преподавателей, чтобы сделать мне замечание. А если я сумею разговорить чудовище и избавить страну от проклятия, то Рихард будет мне всю жизнь завидовать. Я так размечталась, представляя себе, как посрамлю вечно хихикающего братца, и какое у него будет выражение лица, когда он услышит мою историю, что не заметила, как снова задремала. Рихард в моем сне сидел на троне, грыз яблоки и гримасничал. «Ты путешествовала, проехала такое расстояние и вернулась, чтобы теперь попрекать меня тем, что я трус и подкаблучник? Только ты могла за столько времени даже не посмотреть на людей, которые тебе встречались и не привести одного-единственного мужа. Моих детей будет нянчить тетушка-героиня, какая прелесть!» — и Рихард мерзко захохотал.

Я вздрогнула и вынырнула из сна в отвратительном настроении и с желанием отвертеть братцу голову. Мой взгляд снова скользнул по лицу и губам спящего рядом мужчины. Так вот же то, о чем говорил воображаемый Рихард — тот, кто может стать моим мужем. Если, конечно, захочет. А почему, собственно, нет? С другой стороны, не могу же я спро-

сидеть его прямо в лоб. И я со вздохом решила, что когда разберусь с проклятием, то снова над этим подумаю.

Таинственный замок оказался не таким уж таинственным, только очень запущенным. Лес вокруг разросся и отвоевал у камня большую часть территории. В дневном свете логово предполагаемого монстра походило на разбойничье пристанище, каким я его себе представляла по детским сказкам.

— Вы когда-нибудь бывали здесь? — спросила я у Харальда.

— Два или три раза.

— Значит, показывайте дорогу.

— Это зависит от того, куда вы хотите попасть.

— Видимо, в комнату чудовища, — пожалала я плечами.

— Вы уверены, что хорошо подумали? — Харальд пристально посмотрел на меня. — Последний раз с ним разговаривал его сын.

— Я читала, что проклятие — вещь постоянная. То есть, на каких условиях его наложили, на таких оно и держится. Если с ним можно было говорить и даже получить знания о Лиобе и ее сыне... Кстати, как, вы говорили, его звали?

— Сигурд. Только не понимаю, чем это может помочь вам.

Я так резко остановилась, что почувствовала, как морда лошади уткнулась мне в макушку. Нет, то, что я вспомнила, слишком невероятно, чтобы быть правдой. Но если это так...

— Мы идем в библиотеку, — твердо решила я.

— Даже боюсь спросить, что вам опять пришло в голову,

— задумчиво проговорил Харальд. — Уверен, библиотеку перевернули вверх дном давным-давно.

— У меня есть слабая надежда, что кто-то из ваших предков мог пополнить ее. Мне надо уточнить одну вещь.

— Посмотрите на меня, — попросил Харальд.

Я выполнила его просьбу. Возможно, мои горящие азартом глаза впечатлили его, но больше спорить он не стал и пошел вперед.

Через несколько минут я уже копалась в старых книгах, морщась и чихая от пыли. Мое возбужденное состояние и нетерпение помешали оценить их несомненную историческую ценность. Я даже не успела пожалеть о запущенном состоянии комнат и самой библиотеки.

Увлеченная, я даже не расслышала слова Харальда о том, что он пойдет осмотреть соседние помещения на всякий случай. Мое платье и руки были в ужасающем состоянии, а я все продолжала копаться в поисках нужных сведений, не замечая ничего вокруг, когда позади раздалось вежливое покашливание.

— Не сейчас, Харальд, — не оборачиваясь, бросила я.

— Если вы про того симпатичного молодого человека, то он пошел в сторону столовой, — проскрипел незнакомый голос.

Я обернулась, наткнувшись взглядом на высокого, но сторбленного старика, кутающегося в длинный халат. На голове у него красовался ночной колпак, а нечесанные седые

волосы небрежно падали на плечи. Я было открыла рот для невежливого вопроса «вы кто?», но человек ловко обошел стол и, приблизившись ко мне, ловко сунул нос в раскрытую книгу, напряженно при этом прищурившись.

– Кхе... что у нас тут?.. Глаза-то совсем никакие стали...

– Вы что делаете? — я не смогла сдержать негодования.

– Как что? — не глядя на меня, ответил старик. — Я здесь живу.

– П-простите... — растерянно пробормотала я. Наверное, сейчас я должна была испытать ужас, ну, или хотя бы испуг, но ничего подобного не чувствовала.

Понятно, что этот ничем не примечательный старик на самом деле и был тем чудовищем-королем, наводящим ужас на всю страну. Никто другой и не мог жить в этом замке. Однако, как говорилось в одной поучительной книге, все было совсем не так, как я себе представляла.

– Ничего. Ко мне редко заходят гости, — он оторвался от страниц и посмотрел на меня.

– Я принцесса Грета. А вы, наверное, король Хаген?

– Вы забыли прибавить «тот самый король Хаген», — он захихикал. — Я ведь здорово надоел потомкам моих благодарных подданных. По сути, я виноват лишь в том, что не сумел разобраться со своими женщинами. Со временем я все понял и разложил по полочкам. Занимательная это вещь — отношения мужчин и женщин в браке. Я даже написал трактат о семейной жизни. Хотите, дам почитать?

— У меня пока нет семьи, — пробормотала я, понимая, что от старика, что долгие годы был лишен общества, будет не так-то просто избавиться, и неважно, чудовище он или нет.

— Но ведь появится. Недаром ваш спутник так тщательно обследует мое скромное жилище. Он желает убедиться, что ваша драгоценная особа в безопасности. Я не буду питать надежды, что вы пригласите меня на свадьбу, однако позвольте мне преподнести свою книгу в качестве свадебного подарка. Это поистине бесценное руководство.

— Если вы так хотите, — почти вежливо согласилась я.

Боги, и почему так получается? Я собиралась бороться с чудовищем, насвершать кучу подвигов, а что получила? Некое подобие старой тетушки, которая заставляла родителей пробовать собственноручно приготовленные лекарства! Я была маленькая, но хорошо помню, как мать говорила отцу, что если он не уберет сумасшедшую старуху из замка, то она сама сойдет с ума. Однако, я чуть не забыла про дело, которое привело меня в библиотеку.

— Простите, мне надо посмотреть одну из ваших книг.

— Я могу помочь вам. Вот эту, — старик ткнул пальцем в книгу, которую я листала до его появления, — я еще помню со своего детства.

Я еле сдержала разочарованный взглас.

— А вот эти, — хозяин указал на стопку, сложенную у окна, — привез мой... ммм... наверное, внук или его сын. Впрочем, неважно, это тоже было давно. А знаете ли вы, как...

Но я уже не слушала его. Внук или правнук — то, что мне было нужно.

— Что здесь... — раздался голос Харальда, — происходит? Я кинулась к нему.

— Это король Хаген, он помог мне найти нужную книгу, — торопливо пояснила я, опасаясь, что Харальд, не разобравшись в ситуации, свернет старику шею.

— Как? — мой спутник остановился. — Он же...

— Сумасшедший? — закончил за него хозяин замка и скрипуче рассмеялся. — А ты, — он невежливо указал пальцем на Харальда, — наверняка один из моих потомков. Подарили мой трон непонятно кому, а потом даже навещать меня перестали.

— Но проклятие... — возразил Харальд, который выглядел весьма растерянным.

— Ну и что проклятие? — старик уселся на ближайший стул, словно на трон, приосанился, снял колпак и пригладил волосы. — Не спорю, это весьма неприятно, однако не повод бросать в одиночестве своего прародителя.

— А вы разве не расчленяете людей на улицах? — рассеянно спросила я, снова занявшись книгой.

— Это не совсем я. Ночью внутри меня словно бы скапливается куча грязи, которая вырывается наружу и расползается по окрестностям. Было время, когда я мучился от ужаса и стыда, но теперь понял, что это бессмысленно. Злобная женщина прокляла меня за ошибки, которые я допустил.

— А ее сын действительно был вашим сыном? — продолжала расспрашивать я.

— Наверняка. Иначе бы она так не расвирепела. В моем трактате я посвятил целую главу женскому мировосприятию и их...

— Подождите, — прервал его Харальд, за что я была ему весьма благодарна, — а как же все эти девушки, которые пытались найти здесь прекрасного принца и сокровища? Что стало с ними?

Старик пожевал губами.

— Ну... некоторые, кто имел глупость приехать сюда ночью, скорее всего сгинули бесследно. А остальные были весьма разочарованы. Я давал им кое-какую посуду, подсвечники и экземпляр моего трактата в подарок, и они уезжали. Кроме них никто больше не приезжал утешить меня в одиночестве.

Харальд молчал, как мне показалось, весьма пристыженно. Ведь он, как и его потомки, оставили старика одного, полностью уверенные в том, что с ним нельзя даже разговаривать.

Я наконец-то нашла то, что искала, и с торжествующим видом посмотрела на Харальда и хозяина замка.

— Все верно. Основателем нашей династии был король Зигфрид, по преданиям прибывший откуда-то с севера и объединивший воинственные племена. Я считаю, что Лиоба была родом из тех же мест.

— Невероятно, — сразу подхватил мою мысль Харальд. — Значит, твой возможный будущий сын и есть тот законный король, который может снять проклятие?

— Да, получается, я потомок сына Лиобы. И мои родители, и мой брат тоже. Однако никто из нас не может занять трон этого государства — его давным-давно передали в другие руки.

— Ты права. Вряд ли нынешняя династия тебе так просто его уступит, — вздохнул Харальд.

— Мои дорогие, вам не кажется, что вы все усложняете? — хихикнул старик. — Проклятие — вещь весьма конкретная и несложная. В моем замке есть трон. Мой трон. И он был тронем в те времена, когда я... кхе-кхе... правил. Надо всего лишь сесть на него.

Я даже открыла рот от такого неожиданного и действительно простого решения.

— В любом случае, я не могу мгновенно выйти замуж и родить сына, который должен туда сесть, — буркнула я.

— Зачем? Пройдите в тронный зал и сядьте сами, — старик совсем развеселился, хотя я не понимала причины.

— В проклятии сказано: «законный король», — напомнил ему Харальд.

Хозяин замка расхохотался.

— В мои времена слово «король» могло относиться и к мужчине, и к женщине. Потому как женщины на троне вообще не сидели. Так что, дорогая, идите в зал, садитесь на

трон и снимайте проклятие. Я смогу поехать на свадьбу и умереть в окружении... эээ... внуков. За много веков мне непередаваемо надоел этот замок.

Вот так я стала героем — посидев на высоком старом кресле. Ни кровавых битв, ни душераздирающих стонов и воплей, ни даже радужных ослепляющих вспышек — ничего! Старый король лишь радостно похлопал в ладоши и подкинул вверх свой колпак.

Харальд не поскупился на комплименты и похвалу. Ведь если бы я не настояла на этой поездке в своем безумном желании пообщаться с «чудовищем», они бы еще долго мучились с этим проклятием. А ехидные слова старика о свадьбах и внуках навели Харальда на ту же мысль, что меня недавно: он решился сделать мне предложение. Хотя Харальд признался, что хотел это сделать еще в библиотеке. Ведь когда мы путешествовали по лесу, он уже любил меня, не надеясь, впрочем, на взаимность. С чего он так решил — я не поняла, не такой уж скверный у меня характер.

Старика нам пришлось взять с собой, в мое королевство. Все-таки родственник, не бросать же его. Моим родителям и Рихарду досталось по экземпляру трактата о семейной жизни. Брат потом сказал, что Нора выбросила его с высокой башни в реку. На нашей с Харальдом свадьбе все старшие родственники безудержно рыдали от счастья. Похоже, искренне радовались за нас. Ну а мы порадовались за них.

Зло в песках

Роскошный дворец могущественного шейха Джалала бен Анвара возвышался в центре одного из самых больших и цветущих оазисов Алмазной пустыни. В небольшом городке рядом останавливались переночевать и отдохнуть от зноя и песка путешественники и купцы, поэтому здесь кипела жизнь. И до окон дворца то и дело доносились крики зазывающих покупателей торговцев, рев верблюдов и ржание лошадей, смех людей, сидящих под навесами кофеен, и песни местных или бродячих артистов и музыкантов.

Афсун скучно жилось во дворце отца. Она могла слушать звуки города, но спуститься и посмотреть на него дочери шейха в одиночку не позволялось. Можно было только гулять в саду да болтать со служанками или женами брата. Хотя с последними Афсун тоже было скучно, а брат часто уезжал из отчего дома. И юная дочь шейха с тоской вспоминала дни, когда во дворце жили ее сестры, веселые и вечно затевающие развлечения, танцы или подвижные игры. Потом сестры одна за другой вышли замуж, и осталась одна Афсун. Часто она украдкой пробиралась к каморке за большим залом, где шейх принимал гостей, чтобы посмотреть на новых людей и послушать, о чем они говорят. Однажды ее даже поймала старшая жена отца Фируза, однако сжалилась и ничего не сказала мужу, чтобы не огорчать его.

Сама же Афсун с самого детства была уверена, что только и делает, что огорчает отца, шейха Джалала бен Анвара. Мало того, что в ее родах скончалась мать, любимая жена, так еще и сама Афсун выросла, в отличие от сестер, некрасивой и нескладной. В ней все было слишком: и рост, и худоба, и даже нос и скулы. Только темные большие глаза на заостренном лице казались ей красивыми. Афсун учили и петь, и играть на музыкальных инструментах, и танцевать, но все было напрасно. Даже в шитье она не преуспела. А о ее единственном настоящем таланте знали только она и шейх.

Само собой, женихи не спешили во дворец Джалала бен Анвара за его младшей дочерью. Так в рутине и скуке минула ее восемнадцатая весна, а затем и девятнадцатая. И она уже готовилась прожить в отчем доме всю жизнь, как боги и судьба сжалились над ней.

Брат Фирузы, который правил племенами в южной части Алмазной пустыни, захотел женить одного из своих младших сыновей. Узнав, что Фируза с позволения отца договорилась о сватовстве, Афсун обрадовалась. Бесконечная чередя день показалась ей не такой уж тоскливой в ожидании приезда жениха. Девушка была бесконечно благодарна Фирузе и готова была помогать ей с хозяйственными делами, но жена отца почему-то после нескольких попыток попросила шейха не подпускать Афсун к ее покоям. Вероятно, дело было в нескольких вырванных растениях в личном саду, которые девушка приняла за сорняки, и испорченной флейте.

Обидно было и то, что другие женщины тоже стали прятаться от Афсун, и ей оставалось целыми днями смотреть из окна своих покоев на город или украдкой пробираться по дворцу к приемной отца в надежде, что к шейху нагрянут гости. А незнакомый и такой ожидаемый жених со временем стал казаться Афсун неопишущим красавцем, наделенным всеми добродетелями, которые только может пожелать девушка.

Две или три луны сменились после новости о сватовстве, радость ожидания спала, и дни снова потянулись безрадостной чередой. И однажды загрустившая Афсун узнала из болтовни служанок, что во дворец придут гости. И не соседи, и даже не купцы из отдаленных уголков страны, а настоящие чужеземцы.

Из своего укромного убежища дочь шейха во все глаза разглядывала интересных незнакомцев, разговаривающих с ее отцом. Похоже, они путешествовали по Алмазной пустыне со своими целями и хотели купить редкие карты у шейха, а также инструменты для письма, много бумаги, чернил и перьев в городе.

Чужеземцев было двое, и они были так непохожи на привычных темноволосых и темноглазых сынов пустыни, особенно один из них, что Афсун невольно засмотрелась и не заметила, как ее снова нашла Фируза.

На этот раз девушку не пощадили, а отвели прямо к отцу, который и без того был раздражен визитом чужеземцев.

Шейху очень не понравилось, что они не сказали, зачем путешествуют и к чему им старые карты. И то, что его дочь тайком подслушивала и подсматривала, понравилось ему еще меньше. Как и то, что Афсун вместо того, чтобы просить прощения, заявила, что один из гостей — недобрый человек, и его стоит опасаться.

Афсун и раньше отзывалась о некоторых людях, в основном слугах, так, как будто видела тех насквозь. И часто оказывалась права. Вероятно, поэтому жены брата не сильно жаловали ее.

Афсун слышала от слуг, как дворцовый звездочет однажды говорил о ней с шейхом. Он сказал, что это может быть единственным даром, которым боги одарили дочь его покойной любимой жены, и относиться к нему надо с почтением. Но отец побаивался подобных божественных подарков и старался думать, что звездочет ошибся.

И вот сейчас, стоило упомянуть, что один из чужестранцев ей не понравился, как шейх нахмурился и отослал дочь, пообещав быть осторожным.

Однако опасаться следовало не ему, а самой Афсун. Гости приходили во дворец говорить с отцом еще пару раз, и она, несмотря на опасность сильно разозлить отца, пробиралась в тайную коморку и любовалась тем, кто ей так понравился. А после поняла, что светловолосый чужеземец ей нравится настолько, что можно рискнуть и тайком передать ему записку через ждущих у входа во дворец слуг с просьбой о встрече.

Выбраться ночью из дворца было непросто, однако у Афсун словно выросли крылья.

Они проговорили всю ночь, и когда на небе стали исчезать звезды, а со стороны пустыни подул свежий ветерок, Афсун поняла, что не в силах больше прозябать в стенах дворца отца и готова еще раз рискнуть и сбежать. Она полюбила этого чужеземца, которого звали труднопроизносимым для нее именем Рауль.

Еще несколько дней прошло в мучительных колебаниях. Афсун понимала, что отец не отдаст ее чужому жениху, к тому же такому, который не может принести за невесту выкуп, достойный ее положения. Когда она сказала об этом Раулю, тот ответил, что нет ничего невозможно, и может случиться так, что скоро он станет очень богат.

И это решило дело. Афсун сбежала из дома и с немногочисленными вещами присоединилась к каравану Рауля и его спутника Эктора, которые быстро покинули оазис. Оказалось, что они успели купить писчие принадлежности и даже выторговали у шейха пару карт. Поэтому можно было отправляться по делам. Шейх Джалал бен Анвар, разумеется, будет разгневан побегом дочери, но вряд ли сумеет разыскать ее.

Последующие несколько дней Афсун наслаждалась обществом своего чужеземца, лишь изредка со стыдом вспоминая отца, Фирузу и незнакомого жениха. Для девушки, всю жизнь просидевшей в роскошном дворце, Афсун неплохо

освоилась с передвижным образом жизни. А присутствие Рауля рядом смягчало все неудобства.

Ее возлюбленный рассказал, зачем он и его напарник Эктор проделали столь длинный путь от родного дома и добрались до Алмазной пустыни. Дело было в сокровищах, хранившихся в многочисленных каменных пирамидах, которые стояли здесь с незапамятных времен. Многие из них засыпало песком, и старые карты могли указать к ним путь. Кроме того, Рауль умел рисовать новые карты.

— В книгах, — говорил он, — упоминается о целом подземном городе под Алмазной пустыней. И в него ведут подземелья пирамид.

Афсун слышала о пирамидах в пустыне. Но не столько о сокровищах, сколько о страшных опасностях, ждущих тех, кто дерзнет спуститься в них. Она так и сказала Раулю, но он только рассмеялся. Детские сказки — вот чем, по его мнению, были все эти истории.

Точно так же Рауль, хотя и с толикой сомнения, отнесся к тому, что Афсун сказала о его напарнике.

— У Эктора есть недостатки. Но я бы не назвал его злодеем. К тому же он хорошо разбирается в древностях. Да и ни к чему тебе думать о нем. Мы найдем сокровища, и даже твой отец не устоит перед ними и разрешит нам пожениться, — мечтательно говорил Рауль, наблюдая за встающим над дальними барханами солнцем.

И Афсун, любуясь голубыми глазами возлюбленного,

представляла, как они придут к отцу и подарят ему великолепные сокровища. Шейх сменит гнев на милость, обнимет ее, простит, и они с Раулем заживут долго и счастливо. Ведь у несостоявшегося жениха, племянника Фирузы, не найдется столько богатств.

Спустя несколько дней, следуя одной из карт, они обнаружили вход в пирамиду, который можно было сравнительно легко расчистить от песка. Афсун разрывалась от любопытства и нетерпения, так ей хотелось поскорее спуститься в темный лаз и найти сокровища. Рауль сначала отказывался брать ее с собой, но она была так настойчива, что он согласился. К ее неудовольствию с ними пошел и Эктор.

Афсун навсегда запомнила прохладу и странные запахи пирамиды, смешивающиеся с чадом горящих факелов. Ее изумили настенные рисунки и надписи на непонятном языке. То, что должно пугать таинственностью и отголосками мрака времен, вызывало у Афсун бурный восторг. Она стала понимать, почему ее возлюбленный так увлекался путешествиями и разведыванием всего нового.

Не успели они с Раулем осмотреться в темной комнате, как открытая с таким трудом каменная дверь задвинулась, и из-за нее послышался неприятный смех Эктора. Афсун испугалась, оправдались ее худшие предчувствия. Их заперли и бросили. Напарник Рауля наверняка заранее продумал, как избавиться от него и Афсун, и, возможно, даже сговорился с остальными людьми в караване. Их и не пришлось бы долго

уговаривать. Столь близкие и желанные сокровища теперь можно было поделить между собой и не отдавать их огромную часть шейху Джалалу бен Анвару.

Как привести в действие сложный механизм двери, и где находилась основная комната с сокровищами, было известно только Эктору. По крайней мере, он так сказал, когда он попрощался с Раулем и Афсун из-за двери.

Осознав, что факел скоро погаснет, и они останутся во тьме в замкнутом пространстве, Афсун расплакалась и решила, что боги наказали ее за побег и непочтительное отношение к отцу. Она уже собралась дать за спасение зарок вернуться и выйти замуж за нареченного жениха, когда Рауль, обходивший камеру, позвал ее. И Афсун, увидев то, что он хотел ей показать, забыла свою слабость и устыдилась того, что чуть не предала возлюбленного.

Неверный свет затухающего факела выхватывал расписанные рисунками и надписями стены, красивую незнакомую мебель и множество посуды и украшений. Значит, они нашли по меньшей мере часть сокровищ. Теперь осталось только придумать, как им выбраться из ловушки, которую соорудил коварный Эктор. Но что это? Рауль остановился возле высокого ящика, который Афсун приняла сначала за странное ложе.

Приблизившись, она увидела сильно похожую на живую фигуру и снова испугалась. Однако восторгу Рауля не было предела: фигура оказалась выполненной из золота и украше-

на крупными драгоценными камнями.

— Одного этого хватит, чтобы сердце твоего отца растаяло. Кажется, это всего лишь крышка ящика, — прошептал он. — Возможно, внутри нас ждет что-то интересное.

Рауль попытался сдвинуть крышку. У него ничего не вышло, зато случилось такое, от чего сердце Афсун ушло в пятки.

Затхлый воздух пирамиды словно бы уплотнился перед ней и сложился в человеческую фигуру, почти такую же, как та, что была сделана из золота. Дух умершего в роскошных одеждах, усыпанных драгоценностями, появился в комнате и заговорил с Раулем и Афсун. И он был очень недоволен тем, что дерзкие пришельцы посмели осквернить его жилище. Он сказал, что их настигнет расплата, но перед этим Рауль должен отдать ему свое сердце. Пока дух умершего говорил страшные вещи, перед нарушителями спокойствия его могилы словно бы проносились картины далекого прошлого.

Когда-то дух был царем на своей земле, великим воинственным и жестоким. Огромны были его завоевания и богатства. А столица его царства славилась как самый прекрасный и процветающий город на земле.

И настолько царь не хотел покидать столь благосклонный к нему белый свет, что перед смертью принудил одного жреца, сведущего в магических искусствах, сотворить страшное заклятие. Царь пожелал обрести бессмертие. Для этого собрал жрец восемь сердец подходящих людей и поместил их

в специальные сосуды. К последнему вздоху царя все сердца были на месте, кроме одного, девятого. Именно оно окончательно возвращало мертвого в мир живых. Но жрец успокоил правителя, что тот уже достаточно силен, чтобы получить последнее уже после смерти. Только не сказал коварный жрец, что запечатает вход в погребальную камеру сильным заклинанием, чтобы ни один живой человек не смог проникнуть туда. И так и сделал.

Но то ли за долгие века действие заклинания ослабло, то ли искусству древнего жреца было не под силу справиться с мастерством Эктора, могущего открыть любые двери. Последнее сердце само пришло к царю.

Афсун и Рауль поняли, что из одной ловушки угодили в другую. Девушка взмолилась, прося пощады у жестокого царя. Тот лишь расхохотался и сказал, что и так уже слишком долго ждал возрождения. Рауль бросил в него факел, но страшный дух все равно продолжал приближаться к нему, становясь больше и плотнее.

В панике Афсун вжалась в стену, и она чудесным образом открылась. Девушка схватила Рауля за руку, они оказались в другом помещении, а дверь, повернувшись вокруг своей оси, снова захлопнулась. Разочарованный и разъяренный дух прокричал, что им не спрятаться от него, великого властителя подземного города, и что его мертвое воинство их найдет и уничтожит.

По узкому коридору Рауль и Афсун бежали из последних

сил, искренне надеясь, что он не ведет в еще одну ужасную комнату. Им повезло, и казавшийся бесконечным коридор вывел их к дневному свету.

Афсун и ее возлюбленный оказались на некотором расстоянии от пирамиды и увидели свой лагерь. Не успели они решить, надо ли им тайком от Эктора возвращаться за необходимыми вещами, как сгустились тучи, предвестники песчаной бури. Афсун тут же вспомнила об угрозах духа царя, но Рауль успокоил ее, предложив найти временное укрытие.

Буря налетела внезапно, подняв в воздух тучи песка. Задыхаясь, молодые люди все-таки добрались до лагеря, чтобы увидеть изрубленные тела, уже частично занесенные песком. Плохо закончил свою жизнь коварный Эктор.

– Бежим, — дернул Афсун за руку Рауль.

И это было последнее, что она услышала от него, поскольку то, что было после, запомнила смутно. Ветер, песок, попытка укрыться под тканью палаток... Она споткнулась, упала и отстала от Рауля, а вокруг сгустилась душная тьма. И бегущая в ужасе неведомо куда Афсун готова была поклясться, что видела сквозь мглу вооруженных людей, а в завываниях ветра слышала слова чужого языка.

Очнулась она на песке под звездным небом. Вокруг не было ни души. Афсун, уже смирившись с потерей любимого и своей смертью, медленно побрела по пескам, решив идти, пока хватает сил. Боги сжалились над ней, и через пару часов показался небольшой город в оазисе, где Афсун смогла про-

дать свои украшения, попить, поесть и остановиться в плохонькой гостинице.

Немного отдохнув и придя в себя, она принялась расспрашивать людей. Не встречали ли они чужеземца в пустыне? Но с каждым днем все больше теряла надежду, что Рауль мог выжить. К концу третьей недели кончились украшения, платить за гостиницу и еду стало нечем, и Афсун с грустью поняла, что придется отправить весть отцу.

Она уже писала письмо на обрывке бумаги, с трудом выпрошенной у хозяина гостиницы, когда услышала разговор двух новых постояльцев, громкоголосых и тучных торговцев. Они всю угощались за соседним столом, обмениваясь новостями. Когда же они допили кофе и ушли, Афсун вскочила, забыв о недописанном письме, и побежала к уже знакомому ювелиру на рынке, чтобы продать последнее кольцо. Ей понадобится еда и питье, если она хочет отыскать Рауля.

Через три дня тяжелых переходов по пустыне Афсун наконец-то настигла тех, кого так отчаянно искала. Девушка осознала, что путешествовать в одиночку совсем не то, что с надежным караваном, не говоря уж о сытой и спокойной жизни во дворце. Поэтому она сильно обрадовалась, увидев впереди медленно бредущих верблюдов и три закутанные в просторные одежды пешие фигуры, сопровождающие этот небольшой караван.

– Стойте! Стойте! — закричала Афсун, изо всех сил пе-

ребирая ногами по песку и стараясь догнать их или хотя бы привлечь внимание.

Последнее ей скоро удалось, фигуры остановились, придержали верблюдов и повернулись к девушке. Добежав, Афсун в изнеможении села на песок, судорожно хватая ртом горячий воздух.

— Ты кто такая? Чего тебе надо? — заговорила одна из фигур женским голосом и откинула капюшон бурнуса. На Афсун с молодого широкого смуглого лица недобро смотрели сверкающие черные глаза.

— Я... Я ищу одного человека. Он должен быть с вами. Но... — чуть отдышавшаяся Афсун беспомощно осмотрелась и убедилась, что среди трех женских фигур не видно четвертой, мужской и высокого роста. — Разве Рауль не с вами?

— Так ты пришла за этим неблагодарным шакалом, — воскликнула вторая женщина, подходя ближе и тоже открывая лицо, такое же суровое, как у первой, только с мило вздернутым носом и острыми скулами.

— Что? — почти прошептала Афсун, переводя взгляд с одной молодой женщины на другую. — Что вы с ним сделали?

— Что и полагается делать с предателями, — фыркнула вторая. — Бросили в ближайшую к пирамиде нору. Пусть прогуляется по подземному городу, если сможет.

— О, только не пирамиды! Чтобы вы ни думали о Рауле, он ни в чем не виноват! — жалобно простонала не на шутку

испуганная Афсун и с трудом поднялась на ноги.

Она умоляюще перевела взгляд на третью фигуру в светлом бурнусе, которая пока молчала, держась чуть поодаль.

— Очень мило, — хмыкнула первая и презрительно скривила полные губы. — Но с чего ты взяла, что мы тебе поверим? Кто ты вообще такая и откуда взялась?

— Я Афсун, дочь... Нет, это сейчас неважно. Умоляю, послушайте меня, спасите Рауля из города пирамид, пока не поздно. Я не знаю, что вы не поделили, но он не предавал вас. Могу поклясться, чем угодно, я хорошо знаю его и... — Она замолкла, не зная, стоит ли рассказывать о своем даре.

Две женщины переглянулись, кинули беглый взгляд на третью, все еще стоящую неподвижно, и стали обходить Афсун с двух сторон, словно замыкая в кольцо.

— Хорошо знаешь, значит? — настороженно спросила вторая, и ее рука скользнула под бурнус, чтобы вытащить оттуда острую саблю, грозно сверкнувшую на солнце. — То есть вы сообщники? И ты вместе с ним устроила так, что на нас неожиданно напали и лишили половины добычи. Отвечай!

— Ничего подобного, — воскликнула Афсун, поняв, что пришло время бояться и за себя.

А она думала, что главное — найти и догнать разбойниц, но, похоже, неприятности только начинались. Нужно не просто помочь Раулю, но и самой уцелеть

— Я невеста Рауля. Мы попали в беду и потеряли друг друга. Я долго искала его, но безуспешно. А потом услышала,

что высокого голубоглазого чужеземца видели в компании известных в этих краях разбойниц. И я отправилась искать вас, хотя не поверила, что Рауль способен...

— Значит, ты знаешь, кто мы, — перебила ее женщина с полными губами и тоже выхватила саблю. — Может, зарубить тебя, да и дело с концом? Вот только взять с тебя нечего, выглядишь оборванкой.

— Прекрати, Айша, — вмешался голос.

Третья фигура, наконец, сдвинулась с места, подошла к ним и откинула капюшон. Несомненно, она была самой красивой из трех разбойниц. В тонких чертах ее лица чувствовалось благородство, а глаза напоминали нежные очи газели. Наверное, так в молодости могла выглядеть Фируза. Вспомнив об отчем доме, Афсун тяжело про себя вздохнула.

— Рассказывай все с самого начала и не вздумай соврать, — сказала красивая разбойница не терпящим возражения тоном. — И мы подумаем, насколько тебе можно верить, и что делать с Раулем.

— Только этого нам не хватало, — всплеснула руками женщина, которую звали Айша. — Вместо того, чтобы идти отдыхать и делить добычу, мы препираемся с какой-то жалкой нищей в лохмотьях.

Однако и она, и вторая женщина отошли, спрятали сабли и демонстративно сложили руки на груди, недружелюбно поглядывая на Афсун.

Девушке пришлось рассказать всю историю, раскрыв и

свое происхождение, и поиски Рауля, и угрозы страшного духа давно умершего царя, и даже странный дар, доставшийся от богов. Она говорила долго, и солнце уже стало клониться к закату. И когда рассказ подошел к концу, Афсун снова устало присела на песок и глотнула из фляги теплой воды.

— Сказки какие-то, — воскликнула вторая женщина, с подозрением сузив глаза. — Она точно наврала нам!

— Вряд ли, Захра, такое сложно придумать даже Будур, — почесала затылок Айша и взглянула на третью разбойницу. — Верно?

— Злобные духи города пирамид и воинство мертвых. Ха! — задрала подбородок Захра.

— Я сказала чистую правду! — снова взмолилась Афсун, хлюпая носом. — Он убьет Рауля, если найдет его! Он вырвет его сердце!

— Фу, ненавижу истерики, — поморщилась Айша. — Знаешь, может, мы бы и попробовали помочь тебе, да вот беда — у нас совершенно нет времени.

— Вы могли бы просто указать направление. Дальше я сама, — уже тихо и сквозь слезы сказала Афсун.

— Да? — тут же откликнулась Айша. — А если ты его найдешь, выпустишь, а потом он нам выпустит кишки?

— Не выпустит! Рауль хороший человек, я готова поклясться.

Айша всплеснула руками и отошла к верблюдам, меланхолично водящими по песку носами в поисках чего-нибудь

съестного.

Красавица, носящая имя Будур, внимательно посмотрела на Афсун и спокойно сказала:

— Можно достать Рауля из дыры и спросить у него. Мы могли ошибиться.

— Ушам своим не верю, — с шумом выдохнула Айша. — Ты сменила гнев на милость только из-за рассказней какой-то девчонки. Она похожа на дочь шейха, как я на того толстяка, умершего от переедания. А ты что молчишь, Захра?

— Когда сунемся под землю, то можем наткнуться на воинство мертвых.

Айша махнула рукой, словно отгоняя злых духов, и снова пошла к верблюдам, видимо, устав спорить.

— Мы люди не злые. Кто к нам с добром, тому и мы злом не отплатим. — Захра подтолкнула пятками верблюда и продолжила болтать. — Мы нашли его в пустыне. Увидели, что мужчина симпатичный и сильный, накормили его, напоили. Будур рискнула предложить ему работать с нами. Это было выгодно и нам, и, в общем-то, ему. Айша была против, но мы ее убедили. Мужчина и три женщины напоминают скорее почтенную семью, чем банду разбойников. Конечно, из-за необычной внешности Рауля пришлось тщательно маскировать, но в пустыне это не сложно. Общаться с ним было легко, и мы не спрашивали, откуда он пришел и как оказался

один в пустыне.

Афсун слушала разбойницу, сидя позади нее на верблюде и крепко держась за ее талию.

— Рауль, наверное, согласился быть с вами, чтобы добыть выкуп за меня для отца, — задумчиво сказала она. — Иначе бы он никогда...

— Да ну? — хмыкнула Захра. — Ну, может, не в лохмотьях ты выглядишь и привлекательнее. К тому же, кто знает этих чужестранцев и их вкусы. В общем, все шло хорошо, пока мы не заметили, как он отправляет посыльного из оазиса, где мы остановились. И в любом селении, где мы проходили, он вел себя странно и беспокойно. Вечно принимался что-то выспрашивать и разнюхивать. И вот вскоре на нас напали в пустыне, как раз тогда, когда мы с добычей возвращались домой. Мы отбились, потеряв часть богатства, и от Рауля пришлось избавиться. Нам не нравится, когда спасенный и пригретый человек пытается ударить в спину.

— Я уже устала повторять, что он не мог так поступить. Я чувствую это. Рауль не предал бы даже разбойников. Вы ошиблись. Он просто искал меня, расспрашивая всех и посылая на поиски. А теперь, если мы опоздаем, злой дух убьет его.

— О боги, я не могу больше слышать эти восхваления и плачи о вырванных сердцах! — откликнулась Айша с соседнего верблюда. — Если я когда-либо заведу подобные песни, можете отдать джиннам мое сердце. А лучше мозги. Они

мне больше не пригодятся.

— От твоих мозгов у джиннов может случиться несварение желудка, — засмеялась Захра, откинув назад голову и чуть не расквасив Афсун нос.

Будур молчала. Она внимательно смотрела в даль и по сторонам.

Когда они добрались до нужного места, солнце почти село, тени удлиннились, и темный лаз выглядел пастью какого-то чудовища. Афсун почувствовала, как по спине, мокрой от пота, побежали мурашки, и с трудом заставила себя подойти к трем разбойницам, склонившимся над дырой.

— Я не понимаю, — говорила Айша, заглядывая в темноту, — как дух мертвого царя может вырвать сердце, если его пирамида далеко отсюда? Или подземный город действительно существует? Эй, Рауль, ты жив?

Ответом было молчание и шорох песка.

— О боги, он убил его! — простонала Афсун, оседая на землю.

— Тише, — шикнула на нее Захра. — Ход может вести куда угодно. Вероятно, Рауль просто ушел. — Она оглядела остальных разбойниц. — Какие будут предложения?

— Мы должны отыскать Рауля!

— В тебе я не сомневалась, — поморщилась Захра.

— Скоро стемнеет, — задумчиво сказала Будур. — Разобьем лагерь и подождем пару дней. Вот возле этого удобного

бархана.

Захра и Айша посмотрели на нее так, словно у подруги выросла еще одна голова.

— Тратить припасы, рисковать добычей? — Айша сердито зыркнула на Афсун. — А если она все-таки врет, и они вдвоем хотят расправиться с нами?

— Возможно, — кивнула Будур. — Но если нет, то мы упустим удачу. Посудите сами. Если Рауль ушел вглубь ямы, он мог искать только вход в пирамиду. Ему нужен богатый выкуп за невесту, поэтому если он и появится, то с сокровищами. Думаю, когда он увидит нас и услышит... хм... извинения, то поделится богатством.

Изумленные, видимо, необычной разговорчивостью Будур и подстегиваемые ее рассудительностью, женщины послушно принялись разбивать лагерь. Афсун же оставалась у лаза до темноты, продолжая безнадежно звать своего возлюбленного. Увела ее Айша и то после того, как напомнила, что ночью из дыры может выскочить что-нибудь не очень приятное.

Два дня и две ночи ждали они возвращения Рауля. Вокруг царила тишина, которую нарушала только мелкая живность, копошащаяся в песке, да огромная мрачная птица, парившая временами над лагерем. Айша ругалась, Захра впала в задумчивость, Афсун страдала у лаза, проклиная жестокую судьбу, и только Будур сохраняла спокойствие и, казалось, наслаждалась вынужденной остановкой.

Наконец, на третий день на оклики Афсун из ямы послышался далекий ответный крик. Обрадованная девушка сразу же позвала остальных, лениво отдыхающих в тени бархана. Разбойницы спустили в лаз веревки, и вскоре все увидели Рауля, изрядно грязного и заросшего, но вполне живого.

Со счастливым изумлением кинулся он обнимать Афсун, и на несколько минут они забыли обо всем. Потом Рауль перевел взгляд на разбойниц, наблюдающих за ними с одинаковыми выражениями на лицах.

– Давно не виделись.

– Не так уж и давно, — покусала губы Айша. — А ты ничуть не удивлен.

– Думаю, захоти вы меня убить, давно бы сделали это, — откликнулся Рауль.

– Ты прав. Мы поняли, что погорячились, и вернулись. Ждали тебя почти три дня, надеясь, что не стали причиной твоей ужасной смерти, — сказала Захра, почти приветливо улыбаясь.

– Твоя невеста рассказала, что за тобой охотится мертвый царь, — добавила Айша, — и мы решили, что тебе пригодится помощь.

– Предлагаю просто порадоваться, что все хорошо закончилось, — кашлянула Будур, недовольно глянув на подруг. — А где ты был все это время?

– Значит, вы поверили, что не я виновен в нападении? — спросил Рауль, с подозрением смотря на разбойниц и, су-

дя по всему, ни капли не доверяя их словам.

– Ну... — неловко протянула Захра. — Мы могли ошибиться.

– Я пытался найти Афсун после того, как мы потеряли друг друга. Боялся, что она заблудилась и умерла от жажды. Беспокоился о ней. А вовсе не думал о том, чтобы вас ограбить.

– Поставь себя на наше место, — буркнула Айша. — Мы не знали тебя и, конечно, заподозрили самое худшее...

Будур перебила ее прежде, чем могла завязаться перепалка, за что счастливо притихшая возле Рауля Афсун была ей очень благодарна.

– У твоей невесты, оказывается, есть особый дар, — произнесла она. — Она чувствует зло.

Рауль вздохнул и запустил ладонь в покрытые пылью и песком волосы и посмотрел на Афсун.

– Да, насчет Эктора ты оказалась права.

– Под землей действительно есть город с сокровищами? — перебила его Захра.

– Я уверен, что есть, — откликнулся Рауль. — Но я бы не стал исследовать его без большого отряда. У вас найдется поесть? Я страшно голоден.

– Подожди... Кто это там? — встревоженно сказала Айша, всматриваясь в даль.

Среди песков Афсун рассмотрела небольшую фигурку всадника, медленно приближающуюся к ним.

— Странно, в этой части пустыни не ездят в одиночку, — пробормотала Захра.

Будур потянула саблю из ножен, спрятанных за широким бурнусом.

— А если он с мирными намерениями? — воскликнула Афсун.

— А если нет? — Айша тоже вооружилась.

Когда человек приблизился на расстояние оклика, то спешился и пошел к ним, ведя коня на поводу. Одет он был в свободный бурнус, какой носили большинство путешественников в Алмазной пустыне.

— Ты кто такой и чего тебе надо? — прокричала Захра.

— Мне нужно поговорить с этой девушкой, — услышали они ответ незнакомца.

Три разбойницы вопросительно уставились на Афсун, а Рауль встал перед ней, заслоняя.

— Я не знаю его, — дрожащим голосом сказала она.

Человек подошел уже на длину четырех сабель, остановился и откинул бурнус.

— Я Фарис бен Халиб, сын шейха Халиба бен Омара. Я не причиню вам вреда.

Афсун заметила, как Айша, Захра и Будур заулыбались, глядя на красивого молодого человека с ясными темными глазами, оттененными густыми длинными ресницами. А сама Афсун могла лишь в испуге зажать рот ладонью.

— Ой... — тихо произнесла она.

— Я хочу узнать, — продолжал красавец, — не эта ли девушка дочь моего любимого дяди, благородного шейха Джалала бен Анвара, Афсун?

— ...это мой бывший жених, — так же тихо закончила она, но все ее слышали.

— Как? — изумленно воскликнула Айша. — И ты сбежала от него? От него?

— Я же его не видела ни разу, — прошептала Афсун. — К тому же... — она подняла глаза на Рауля, — теперь у меня есть возлюбленный, и я не променяю его ни на кого.

Фарис бен Халиб определенно чувствовал себя не в своей тарелке. Его ясные глаза перебегали с Афсун на Рауля, от Рауля на трех улыбающихся во весь рот женщин. Афсун набралась храбрости и вышла вперед.

— Здравствуй, Фарис. Я действительно та, кого ты назвал и кого, как я понимаю, искал долгое время. Тебя прислал мой отец?

— Не совсем. — Казалось, он немного смутился. — Когда все поняли, что ты сбежала, а не попала в плен, они оставили попытки найти тебя. Я уехал в одиночестве, чтобы защитить свою и твою честь. Но, как вижу, опоздал. — Фарис бен Халиб кивнул на Рауля.

— В одиночку? По пустыне? — восхищенно прошептала Айша.

— Ах, — выдохнула Захра, за что получила тычок под ребра от Будур.

— Мы рады знакомству с тобой, Фарис бен Халиб, — любезно сказала последняя. — И если ты не будешь сразу же бросаться рубить бедного Рауля, то приглашаю сначала разделить с нами трапезу.

Будур не только благородно выглядела, но и говорить умела не хуже визиря шейха.

— О, безусловно, я голоден, — блеснул белозубой улыбкой Фарис бен Халиб. — И с удовольствием последую вашему приглашению.

— Тогда идем в лагерь.

Совершенно сбитая с толку Афсун, пропустив вперед разбойников и бывшего жениха, идущего рядом с довольной Будур, взяла Рауля за руку и...

Песок вокруг задвигался, зашелестел, словно ожил, и тонкими струйками поднялся в воздух. Небо быстро потемнело, будто заслоненное чьими-то громадными крыльями, и завыл ветер. Или то, что было похоже на ветер. Ему вторил пронзительный вскрик парившей над людьми хищной птицы и жалобное ржание ускакавшего вдаль коня Фариса.

— О нет! — прокричала Афсун. — Спасайтесь, это злой дух царя пришел за нами!

— Какого... — начала было Айша, но замолкла, когда перед ней из песочной мглы вдруг возникла вооруженная фигура странно одетого воина.

Женщина взмахнула саблей, воин рассыпался мелкими песчинками, чтобы вновь появиться в том же обличье. Его

широкое изогнутое похожее на серп оружие со свистом пролетело над головой вовремя пригнувшейся Айши.

— Отступаем! — заорала она. — Сначала к лагерю!

Рауль схватил Афсун в охапку и побежал. Вооружившийся Фарис не стал тратить время на разглядывание неведомого противника и кинулся за ними. Будур прикрывала его со спины, за ней бежала Захра.

Верблюды в ужасе кричали и рвали свои путы. Когда люди добежали до стоянки, животные успешно избавились от веревок и в панике разбежались.

— Наша добыча, — простонала Айша, вертя головой в поисках укрытия. — Осторожнее!

Последнее относилось к Захре, бежавшей последней, на которую накинудись сразу трое врагов, завывавших что-то на своем жутком языке. Она успешно отбивалась, однако воины были неуязвимы.

— Держитесь! — воскликнул Фарис, кидаясь наперерез еще двоим, появившимся из песка.

Как только он приблизился к призракам, они замедлили шаг, а потом и вовсе остановились. Воодушевленный Фарис отвлек на себя врагов Захры, и они тоже отступили перед ним.

— Все в лагерь! Спрятаться за палатки! А красавчик пусть пройдет вокруг! Похоже, они боятся его! — орала Айша, загоняя своих товарок и Рауля с Афсун в укрытия.

Разочарованный, злобный и ужасающий вой раздался из

песчаной мглы, когда страшное воинство отступило. Фарис стоял напротив лагеря, зорко следя за тем, чтобы ни один противник не пробрался мимо него.

– Жалкие смертные! Вы все еще надеетесь уйти от моего гнева! Гнева самого властителя поземного города!

– Кто это? — приглушенно крикнул Фарис в сторону палаток.

– Вероятно, тот умерший царь, который охотится за сердцем, — высунулась из-за полога Захра.

– О, Рауль, что мы теперь будем делать? — застонала Афсун.

– Да тихо ты. И без тебя несладко! — прикрикнула Айша.

– Фарис, если через тебя не может пройти воинство мертвых, то и дух царя не сможет, — подсказала Будур.

Фарис устало прикрыл глаза, однако приосанился и крикнул во тьму:

– Что тебе от нас надо, дух? Возвращайся в место своего упокоения и не тревожь живых понапрасну. Твое время давно прошло.

– Ах, он так красиво говорит, — восторженно прошептала Захра.

– Вот глупая женщина. Лучше бы подумала об убежавших верблюдах, — расстроено пробормотала Айша.

В ответ послышался резкий крик, и на них обрушились кучи песка, подгоняемые сильным ветром. Люди упали на землю, пытаясь закрыться. Только Фарис остался стоять,

словно защищенный невидимым щитом.

— Как такое может быть? Над тобой не властны мои заклинания, ничтожный человек! Мое воинство так же бессильно перед тобой!

Песок поднялся с земли перед глазами сына шейха и собрался в плотную фигуру, похожую на неуязвимых воинов, только выше и сильнее.

— А, я знаю, кто ты, Фарис бен Халиб. В тебе кровь предателя, который помешал мне получить бессмертие. Подлый сын Сета наверняка оставил в роду что-то, в чем продолжает жить, иначе я не потерпел бы неудачу. Покажи мне его!

Дух неожиданно вырос и обрушился на Фариса. Тот отпрянул от неожиданности и упал.

— О боги! — одновременно воскликнули три разбойницы и, отряхиваясь от песка, побежали к Фарису.

— Если он умрет, нам всем конец, — сказала Айша.

— Все из-за тебя. Ты не верила в воинство мертвых, — огрызнулась Захра.

Айша выругалась.

— Куда вы? — крикнул Рауль.

— Сиди на месте! Без сердца тебе придется забыть про женитьбу!

Будур подросла первая и подняла Фариса. Две других разбойницы стали с ними рядом.

Перед ними парил злобный дух, сверкая призрачными глазами и драгоценностями на роскошных одеждах, и тянул

руки к Фарису.

– Отдай его мне. Я уничтожу его и получу последнее сердце.

– Чего ему опять надо? — пробормотала Захра.

– Скорее всего, это, — Фарис дотянулся рукой до шеи и вытащил из-под одежды небольшую подвеску в форме жука.
— Семейная реликвия.

Со всех сторон снова стали подбираться песчаные воины, и разбойницам пришлось прятаться за Фариса, словно за живой щит, периодически поворачиваясь вокруг общей, на четверых, оси.

– Если мы ничего не придумаем, нас сожрут, — шипела Захра, отбиваясь от тех, кто все-таки умудрялся подойти слишком близко.

– Я могу попробовать убить его, — сказал Фарис.

– Нет! — воскликнули сразу три голоса.

Афсун с тревогой наблюдала за ними, когда вспомнила увиденные в погребальной камере царя рисунки. На некоторых из них повторялось изображение жука, похожего на того, что был у бывшего жениха. Афсун тогда заинтересовали несколько картинок, идущая одна за другой, словно бы древний художник рассказывал какую-то историю.

– Фарис, — позвала девушка, стараясь перекричать шум ветра. — Открой украшение!

– Откуда... — начала Захра, но Будур уже схватила за шнурок и ощупала кулон со всех сторон. Жук внезапно раз-

вернул крылья, и Будур неведомой силой отбросило от Фариса. За ней последовали ее подруги. А сам Фарис опустился на колени, обхватил голову руками и закрыл глаза. Когда они открылись, из них смотрел не сын шейха Халиба бен Омара, но тот, кто давно покинул этот мир.

– Приветствую тебя, о царь, — проговорил он.

– Ты все-таки явился, проклятый предатель. Посмотри, что ты со мной сделал! Где твое обещанное бессмертие?

– Я не мог позволить тебе вернуться в мир живых. И сейчас не позволю. Ты слишком жаден и жесток для него. Однако мое заклинание нарушено. Погоня за богатством и настырное любопытство людей едва не привели к беде. Хорошо, что я заключил свою душу в скарабея, чтобы помешать тебе и через тысячи лет. Хвала Ра, мои потомки облегчили мне задачу. Возвращайся в подземный город, мир живых не для тебя.

– Ты еще смеешь указывать мне, предатель жрец? Я разорву тебя на куски! — взревел дух, и воздух взорвался страшным воем и словами заклинания.

– Женщина, что освободила меня, — обратился жрец в теле Фариса к Афсун. — Ты чувствуешь зло. Найди и уничтожь его. Иначе царь уничтожит вас всех. Они должны быть рядом с ним, он не может от них далеко отойти.

– О чем он? — спросила растерянная Афсун у Рауля.

– Если бы я знал, — ответил тот успокаивающе сжимая ее ладонь.

Два могущественных мертвеца вступили в бой. Один в виде духа из песка, а другой в обличие своего далекого потомка. Афсун, с трепетом наблюдающая за ними, видела лишь песчаную бурю и силуэты в ней.

Три разбойницы с трудом поднялись с земли, чтобы отбиться от снова наступающего воинства мертвых. Рауль вооружился толстой палкой от палатки и кинулся на подмогу, крикнув Афсун по возможности держаться рядом. Но девушку занимали непонятные слова жреца.

— Где зло? Что я должна найти? — постоянно вопрошала она.

— Если я выживу, то ограблю все пирамиды, в какие смогу пролезть! Обчищу весь этот подземный город! — мстительно кричала Айша.

— Так и сделаем! — вторила ей Захра.

Будур билась молча, тяжело дыша.

Внезапно Афсун охватило знакомое чувство. Как будто недалеко от нее находился очень злой и опасный человек. Она вцепилась в того, кто был ближе, а это оказалась Айша, и потащила за собой, ведомая ощущением, с каждым шагом становившимся все острее.

Айша громко ругалась, раскидывала бессмертных воинов и упиралась. Афсун растерянно повертела головой и вдруг увидела за ближайшим барханом несколько сосудов причудливой формы, собранные в ящик.

— Отсюда, — выдохнула Афсун.

— А, я поняла! Сосуды с сердцами! — Айша, несмотря на усталость, рассмеялась. Видимо, подобные озарения нечасто ее посещали. — Бей, круши, убивай! — заорала она, набрасываясь с саблей на источавшие зло предметы.

Страшно выл злобный дух жестокого царя, видя, как обращаются в прах его надежды на бессмертие, но ничего не мог поделать — жрец мешал ему уничтожить смертных, рубящих и топчущих ценные сосуды. Когда был разбит последний, мертвые воины стали исчезать навсегда под ударами оружия. Афсун услышала, как жрец пропел последнее заклинание, и его противник царь рассыпался песчинками.

Внезапно стало тихо. Воины пропали вместе со своим правителем, мгла рассеялась, и ветер утих. Ошеломленные Афсун, Рауль и три разбойницы вертели головами и моргали от яркого солнечного света, не в силах поверить, что все закончилось. К ним, покачиваясь, шел Фарис. В руке он сжимал подвеску с жуком.

— Это ты? — спросила Захра, с опаской глядя на него.

— Да, я Фарис. Мой предок ушел. — Он разжал ладонь, и все увидели, что жук выглядит, как раньше. — Никогда бы не поверил в такую историю, услышь я ее даже от самого правдивого рассказчика.

— А где ты был, когда он говорил твоим голосом? — заинтересованно спросила Будур.

— Я как бы стоял рядом с ним. Это сложно описать словами.

– Злой дух больше не вернется? — спросила Афсун.

– Для него было бы лучше не возвращаться, — прорычала Айша. — Мы теперь днем с огнем не отыщем наших верблюдов.

– Жаль, что мертвые воины не оставляли после себя украшения, когда исчезали, — вздохнула Захра.

– Скажите спасибо, что мы сохранили жизни, — поучительно произнесла Будур. — И все благодаря Фарису, — улыбнулась она.

Тот приложил руку к груди и поклонился.

– Для меня было честью сражаться рядом с такими благородными воинственными девами.

– Что? — прошептала Афсун Раулю. — Они же разбойники!

– Тсс, любовь моя. Даже разбойники могут исправиться. При некоторых обстоятельствах.

Он внимательно посмотрел на трех подруг и громко сказал:

– Я могу помочь вам справиться с потерей верблюдов.

– Хочешь поискать их? — мрачно спросила Захра.

– Нет. Идем за мной.

Рауль повел всю компанию к яме, из которой его недавно вытащили.

– Там есть проход, который ведет к ближайшей пирамиде. И если вы мне поможете, то мы поделим то, что там находится. Без верблюдов, конечно, вы мало что утащите, но все

же лучше, чем ничего.

Пару мгновений разбойницы недоверчиво смотрели на Рауля. Потом же, когда смысл сказанного дошел до них, даже к Айше пришло хорошее настроение.

Спустя несколько часов в лучах закатного пустынного солнца разбойницы упаковывали в мешки свою долю сокровищ, совместными усилиями вынесенных из пирамиды. Афсун стояла неподалеку от них рядом с Раулем и Фарисом.

— Мои поиски закончились не так, как я ожидал, но я рад этому, — говорил последний. — Я выполнил долг и пережил такие приключения, о которых не смел и помыслить. Вы собираетесь в скором времени ехать к моему дяде?

— Да, я хочу жениться на Афсун, — ответил Рауль. — Надеюсь, шейха устроит выкуп, и он простит нас. — Он помолчал. — Наверное, я должен извиниться перед тобой.

— Оставь. Случившегося не изменить. А это значит, что моя судьба пока не решена, и я... — Фарис неожиданно улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами, — пока свободен. А вам позвольте пожелать счастья и процветания.

Он снова приложил руку к груди и еще раз поклонился.

— Мы благодарны тебе и обязаны жизнью. Ты вернешься с нами? — спросила Афсун.

— Возможно, — ответил Фарис, и его голос был задумчив.

— О нет, я не могу больше, — донесся до Афсун голос Айши. — Эй, Фарис! А ты не хочешь работать с нами, раз не уверен?

– Да как ты можешь предлагать такое благородному Фарису? — возмутилась Афсун.

– А что? Раулю можно, а другим нет?

– К тому же уловка женщин в сопровождении мужчины так хорошо работала, — вставила Захра.

– Нам будет не хватать твоей доблести, Фарис, — просто сказала Будур.

– Да, да, — согласно закивали заулыбавшиеся Айша и Захра.

– Что ж, — вздохнул Фарис, словно сдаваясь. — Несомненно, боги накажут меня за безрассудство и непочтение к родителям. Я пойду с вами.

Афсун подумала, что разбойницы кинутся в пляс вокруг Фариса, настолько они были довольны.

Компания рассталась на выходе из ближайшего оазиса, куда забрела передохнуть после приключений и купить лошадей и новых верблюдов.

Афсун и Рауль взяли самых быстрых коней и поспешили ко дворцу шейха Джалала бен Анвара, а три подруги и Фарис поехали своей дорогой. Может, они еще отыщут сбежавших верблюдов.

Прибыв в оазис, где возвышался дворец отца, Афсун уговорила Рауля сначала послать вестника с письмом, чтобы узнать, сильно ли разгневан шейх. Послание было адресовано благородной Фирузе. А вместо ответа старшая жена шей-

ха явилась собственной персоной в сопровождении целых пяти слуг, чем вызвала переполох в скромной гостинице.

Фируза, как оказалось, решила удостовериться, что пивавшая и правда дочь шейха, а не самозванка, желающая богатства. И после взаимных, хоть и суховатых приветствий, Афсун узнала, что произошло в отчем доме после ее побега.

Как и говорил Фарис, сначала все подумали, что дочь Джалала бен Анвара украли коварные чужеземцы. Пара жен вернувшегося из дальних стран сына шейха в этом засомневались, но были быстро поставлены на место. Джалал бен Анвар и его сын снарядили многочисленную погоню. Всадники проскакали по пустыне три раза по три дня и три ночи и вернулись ни с чем. Проклятых чужаков как песок поглотил.

Слуги во дворце поговаривали, что дело вовсе не в песке, а в пирамидах и подземных ходах, рассыпанных в беспорядке по пустыне. Ведь если хорошо знать их, то можно укрыться от любой погони. И пока найдешь и обыщешь все, пройдет не один год. Шейх и его домочадцы слышали эту болтовню и не могли с ней не согласиться. Оставалось только оплакивать безвременно покинувшую их дочь, сестру и родственницу.

Через день после окончания поисков прибыл и жених Афсун, Фарис бен Халиб, вместе с отцом, тоже шейхом, правящим народом к югу отсюда. Услышав скорбную весть, они опечалились, хотя и ненадолго. Отставший от каравана гостей слуга сам добрался до дворца Джалала бен Анвара и принес новости. Он утверждал, что третьего дня видел в пу-

стыне высокую деву, идущую рука об руку со светловолосым мужчиной. Дева смеялась и пела ему. А шли они впереди небольшого каравана, тяжело нагруженного.

Не было предела печали и огорчению могущественного шейха Джалала бен Анвара, когда он узнал о вероломстве неблагодарной дочери. И не было предела возмущению его старшей жены Фирузы, которая сейчас рассказывала эту историю.

Фарис бен Халиб выразил желание все-таки догнать и покарать злодеев, потому что не верил, что невеста ушла с ними добровольно. Не встретив поддержки, он уехал сам ближайшей ночью, забрав из каравана отца лучшую лошадь.

— Брат, конечно, отправил людей на поиски, — говорила Фируза. — Но увы, они вернулись без Фариса. И с тех пор мы ничего не слышали о нем.

— Отец сильно зол? — спросила Афсун, изо всех сил стараясь обойти разговор о бывшем женихе, чтобы не упомянуть о разбойниках.

— Скорее опечален, — ответила Фируза, кинув недобрый взгляд на сидящего чуть поодаль Рауля. — Ему придется сильно постараться, чтобы твой отец согласился.

— У нас есть богатый выкуп, — шепнула Афсун.

И это решило если не все дело сразу, так половину его точно. Шейх Джалал бен Анвар встретил и дочь, и ее жениха сурово, но выслушал и соизволил взглянуть на часть сокровищ пирамиды, преподнесенных ему в дар. После офи-

циальной встречи Афсун слезно молила о прощении и рассказывала о том, какой Рауль надежный и добрый, и сердце отца смягчилось. Он даже не позволил своему сыну как следует побить жениха дочери.

О Фарисе бен Халибе Афсун так и не сказала ни слова, сильно опасаясь, что и его отца, все еще гостящего во дворце, и ее родственников хватит удар.

Спустя год после свадьбы она и Рауль с удивлением и радостью выслушали рассказ взволнованной Фирузы, получившей письмо от племянника. Фарис бен Халиб сообщал, что недавно женился, собирается нанести визит тетушке и просит приготовить покои для него и трех жен.

— Я же говорил тебе — и разбойники могут исправиться, — рассмеялся Рауль, обнимая изумленную Афсун.

Черноградский детектив.

Затянувшаяся тризна

— Значит, вы говорите, что никакого предварительного сговора не было и все случившееся простое совпадение?

— Ну, не совсем... — свидетель снова замолчал.

Писарь перестал строчить и поднял голову. В глазах его плескалось любопытство.

— Заговор-то был... вот только... — свидетель почесал подбородок, — не тот, о котором вы думаете.

— Это уж я буду решать, тот или не тот. Записывай! — Последнее относилось к писарю.

— Я хотел жениться. Что здесь такого? Человек моего возраста и положения должен жениться, тем более, когда есть такая партия, — свидетель неожиданно заговорил скороговоркой, как будто пытался оправдать себя. — Сами понимаете, соперников у меня была куча, поэтому я и придумал этот план. Я имею некоторые знакомства с уважаемыми людьми и постарался привлечь всех, кого смог достать. Моя ли вина, что какой-то поджигатель выбрал этот же вечер для безобразий всяких? Я, между прочим, тоже пострадавший. Теперь наверняка попаду в долговую яму.

— Если не попадете куда-нибудь похуже, — прервал его главный дознаватель следственного отделения города Черно-

град. — А теперь еще раз, милейший... — он кинул взгляд в бумаги на столе писаря, — Лют Ярополков сын, и по порядку. На ком вы хотели жениться, и кто был в заговоре?

— Как на ком? На Снежане, вдове купца Распуты. В дружине градоуправителя много не заработаешь, вот я и решил найти себе жену, желательно состоятельную вдову. Снежана красива, но у нее куча женихов, и некоторые из них знатны. Мой начальник, воевода Радовид Радовидович, обещал поспособствовать. Он всегда хорошо ко мне относился.

Писарь, не отрываясь от работы, неожиданно хихикнул. Главный дознаватель потер крючковатый нос и кашлянул — образ жизни Снежаны Распутиной вдовы был неизвестен разве что новорожденным котяткам черноградских кошек.

— Однако я решил заручился поддержкой еще нескольких человек. И был совершенно уверен в своем успехе, когда пришел в гости.

— Какую именно поддержку должны были оказать ваши... гм... знакомые? И будьте добры их имена.

Писарь застыл с поднятым пером и с выражением ожидания на лице. Даже рот приоткрыл. Свидетель же занервничал и заерзал на месте.

— А зачем имена? Я не понимаю... — осекся он, когда дознаватель наклонился к нему и впился в его лицо тяжелым взглядом.

— Позволю себе напомнить вам, — на последнем слове главный дознаватель сделал ударение, — что сгорели два де-

сятка человек. А вы нет, хотя были там же. Это уже выглядит так себе. Тем более рядом с вашим заявлением об имевшем место заговоре относительно вдовы с... хм... не лучшей репутацией. Мое предыдущее дело о хищении храмовой казны пока не раскрыто. Я могу наступить себе на горло и отказаться от нынешнего, передав его людям посадника, а те — в столицу княжеским мечникам. А там никто не будет терпеливо ждать, пока вы заговорите. Не любят терять время и сразу вызывают заплечных дел мастера.

– Да что вы! Я же ни в чем не виноват! Да, я выпил и не помню, что произошло. Но разве это преступление?

– Вы всерьез это сейчас сказали?

– Ну, хорошо. Все и так полетело к навьим тварям под хвост, и сидеть мне в долговой яме. Записывайте имена, а после все расскажу, как на духу, все, что помню. А что не помню — так уж прощайте.

Свидетель горестно вздохнул.

– Воевода Радовид Радовидович добыл мне приглашение на пир. Томила, моя брательница, с мужем, купцом Ковригой Морозовым, помогли найти людей, ссудивших деньги. Я же должен прилично выглядеть. Мои друзья, Житко Летов сын и Усыня Володимиров сын, в случае чего, пообещали взять на себя особо ретивых женихов. И, наконец, боярин Светобор Яроборович с женой. Когда-то я отбил ее от грабителей, и боярин тоже согласился помочь. Все, всех сдал.

В полной тишине бодро скрипело перо довольного писа-

ря.

Дружинник Лют Ярополков сын сидел в кабаке и мрачно пил. И у него были веские причины, чтобы расстаться с последними грошами.

Всего два дня назад он занял внушительную сумму под блестящие перспективы женитьбы, а теперь они растворились в воздухе. Может, было бы лучше, если бы он сгорел в этой проклятой бане, как другие гости? Повеситься что ли пойти? Да жрецы говорят, за это на том свете с камнем на шею мучиться придется.

— Такое не могло произойти со мной, просто не могло, — повторял Лют, уставившись в кружку.

Житко и Усыня, разделявшие его горе и выпивку, одновременно кивнули.

— Мда... — протянул Усыня, — не надо нам было уходить. Кто ж знал-то?

— Что-то ты, дружище Лют, совсем голову повесил. Обратился бы к жрецам Велеса. Они резво справляются с неприятностями, — посоветовал Житко.

— Ну да. Скажут, как всегда, что у меня все хорошо будет. Когда-нибудь. Знаю я это «все хорошо», денег потребуют пожертвовать, — пробурчал Лют.

— А почему к тебе дознаватель так привязался? — спросил Житко.

— Считает, что я вру, наверное.

– А что ты помнишь?

– Что я вышел во двор. Наверное, упал и заснул, а разбудили меня уже хранители порядка. Я решил, что у меня похмельный бред: гостей заперли в бане и подожгли.

Житко приснул в кружку, и часть браги оказалась на его друзьях.

– Они точно думают на тебя, — Усыня отодвинул кружку и наклонился к Люту. — Я слышал, вдова Снежана Распутина тайно принимала каких-то людей, а тут ты со своими именами. Представляешь, что это значит?

– Я знаю только, что в бане нашли двадцать тел, а на вечере было двадцать пять. Вы сидите со мной. Скоро установят остальных выживших. И я клянусь вам, что среди них точно будут те, кого я сдал, с моим-то везением.

– Ага. А если кто-то из них действительно был замешан в чем-то нехорошем, что с тобой будет?

До Люта дошли слова Усыни, и он судорожно сглотнул. Надо срочно идти к лихоимцам и продаваться в рабство. Желательно куда-нибудь на дальнюю границу.

На дворе огромного терема покойной вдовы Снежаны Распутиной печально чернели остатки бани. Лют присел на толстое бревно, достал крынку с квасом и глубоко задумался. Попытка добровольной сдачи провалилась. Добрые люди, ссудившие деньги, все, как один, твердили, что им запрещено пока взыскивать долги с важного свидетеля преступления.

ния. «Подождем, пока дело закроют», — говорили они, потирая руки, и Люту не понравился этот жест.

Главный дознаватель сегодня снова вызывал к себе, чтобы сообщить, что среди его, Люта, семерых «заговорщиков» пятеро ухитрились не попасть в роковую баню.

Усыня и Житко, соскучившись, ушли продолжать праздник в другом месте, а брательница Томила, теперь уже вдова, измучившись головной болью, уехала домой. Особенно не обрадовало, что боярин Светобор с женой Людмилой тоже почему-то покинули Снежану, не сказав никому ни слова. Лют был уверен, что боярин будет очень недоволен, когда в его дом явятся дознаватели и станут расспрашивать.

Жизнь проиграна по всем статьям. Лют сделал большой глоток и вытер губы рукавом. Слуги Снежаны стонали и посыпали голову пеплом, добытым из бани, оплакивая смерть своей хозяйки. Добиться от них внятного рассказа о событиях того вечера было невозможно. Дом и состояние покойной вдовы теперь перейдут к племяннику, который должен был скоро явиться.

Лют изо всех сил стукнул кулаком по бревну — а ведь все это могло бы быть его! И теперь осталась только одна цель: найти этого поджигателя, который разрушил его планы, чтобы посмотреть, как его, стерву, четвертуют! А там можно и в рабство идти со спокойной совестью.

Прикончив квас, Лют решил навестить брательницу, а заодно по пути купить чего-нибудь покрепче. К дому Томилы

он подошел уже повеселев, и был неприятно удивлен, увидев у нее главного дознавателя. Тот казался довольным, даже его гладкая лысина весело блестела.

– А, Лют Ярополков, проходите. Рад, что вы последовали моему совету и не уехали из города. А я тут беседовал с уважаемой Томилой Ковригиной вдовой. И уже собирался уходить.

Томила сидела прямо, вытирая светлым платочком уголки глаз.

– Завтра похороны и тризна, Лют.

– Я приду.

Томила начала тихо всхлипывать. Дознаватель понимающе откланялся, прикрыл лысину шапкой и вышел.

– Что он тебе сказал?

– Ах, эти мечники такие скучные. Приходят тревожить женщину в печали вопросами.

Скучные? У брательницы всегда был странный взгляд на жизнь.

– Ты же знаешь, что это я опознала Ковригу? Это такой ужас! — Томила закатила глаза и поджала губы. — Он был весь черный и плохо пах, а пальцы на руках обгорели до костей и скрючились. Даже амулет Велеса почернел. По нему-то я и поняла, что это он, мой дорогой Коврига.

– Подожди, Томила, — прервал ее изливания Лют, не желая дальше слушать про обгоревшие тела. — Дознаватель спрашивал тебя, когда ты уехала с вечера?

Рука с платочком замерла на полпути.

— Конечно. А ты разве не помнишь, я же попрощалась с тобой?

— Не помню. Видишь ли, я выпил тогда...

— Ты постоянно пьешь, Лют. Останься Снежана в живых, вряд ли бы она вышла замуж за такого любителя бражки, как ты.

— Почему же ты тогда согласилась мне помочь?

Томила изящно пожала плечами.

— Снежана богата... была. А ты постоянно в долгах. Мой долг старшей родственницы заботиться о тебе. Что теперь собираешься делать?

— Для начала нужно, чтобы дознаватель перестал подозревать меня, — скрипнул зубами Лют.

— На тризну обещалась поспеть тетка Ковриги, — задумчиво протянула брательница. — Она тоже вдова.

— Что? Ей тысяча лет, Томила!

— А тебе ли не все равно? Раз уж Снежаны теперь нет.

— Скажи мне лучше, боярин Светобор с женой уехал раньше тебя?

— Конечно, позже, Лют. Ты меня удивляешь. Я попрощалась с тобой, и ты как раз сказал, что тебя ждет Людмила Сытовна со Снежаной, чтобы устроить танцы. Представляю, как ты там поплясал в таком состоянии.

— Хм... — Лют попытался ухватить за хвост смутное воспоминание. — Последнее, что я ясно помню, это двор. По-

лучается, я все-таки вернулся в дом. Скажи, а дознаватель не интересовался, почему ты уехала так рано?

— Лют, ну ты же знаешь, как грубы эти мечники! — Губы Томилы капризно изогнулись. — Я рассказала, что у меня разболелась голова, но, видимо, в доме боярина он успел побывать раньше.

— Неужели Светобор тоже в курсе загула своей жены?

— Да что ты! Весь город уже знает! Коврига никогда не умел скрываться. Ах, и теперь я вынуждена хоронить его черный дурно пахнущий труп!

— Значит, получается, что и бояре, и ты ушли с пира из-за шашней Ковриги и Людмилы? — уточнил Лют, желая прервать брательницу, которая была на пути к тому, чтобы начать поносить покойного мужа на весь терем.

— Получается, что так. Только теперь-то кому какое до этого дело!

— Пусть тебя утешит, что Коврига своей бессовестностью спас тебя от смерти. Да и Светобора с женой тоже.

Томила открыла рот, чтобы разразиться очередными жалобами, но задумалась.

— Дознаватель намекал, что любой из выживших мог сжечь баню. Спрашивал, не слышала ли я, что за люди собирались у Снежаны. Спрашивал так, как будто я могу что-то об этом знать!

— Если кто и знает, то это Светобор, — сказал Лют и тут же сам себе удивился.

– Он будет завтра на тризне, — скривилась Томила.

– Постараюсь поговорить с ним.

– Он скорее прикажет отрезать тебе уши и съест их, чем позволит себя расспрашивать. Смотри — а то окажешься на дне озера с камнем на шее.

Но Люту терять было уже нечего. Если он узнает, действительно ли в доме Снежаны творилось что-то противозаконное, то сможет отвести от себя подозрения.

Поздний вечер застал Люта снова в кабаке. Он успел проспаться и теперь цедил пиво, которое на сей раз оплачивал Житко. Вокруг было много дружинников, и разговоры вертелись вокруг покойного воеводы Радовида Радовидовича и остальных сгоревших.

Лют прислушивался к голосам, стараясь выделить из кучи домыслов крупницы чего-нибудь полезного. К сожалению, версии его сослуживцев оставляли желать лучшего. Размышляли, а не устранил ли кто Радовида, чтобы занять его место. И договорились до того, что воевода поссорился с кем-то из гостей, зарубил его и поджег, чтобы замести следы. А потом и сам бросился в огонь, придя в ужас от того, что натворил.

– Сколько же выпил воевода, чтобы до такого додуматься? — засмеялся Житко.

Но Лют задумался. Если кто решил совершить убийство и скрыть истинные цели, то сжечь всех не такая уж и плохая идея.

Но чтобы отважиться на подобное, нужна причина. Почему же ему, Люту, пришло на ум, что боярин Светобор должен что-то знать? В голове снова зашевелилось воспоминание. Вроде бы угол стены, к которому он привалился, а за углом этим разговаривает кто-то...

— Житко, — прервал Лют друга, продолжавшего смеяться над умствованиями дружинников, — ты не припоминаешь с того вечера ничего странного?

— О воеводе?

— Необязательно. Я многое не помню.

— Усыня говорил, что с твоей вдовой было что-то неладно, что промышляла она делишками странными. Поговаривают, что нехорошими.

— Про воеводу тоже, слышишь, сколько всего поговаривают.

— То воевода, а то она, — весело подмигнул Житко и, сделав страшные глаза, продолжил. — Покойный муж ее сколотил состояние на нечестных сделках. А еще вроде был он колдуном и умел делать вещи всякие необычные, лучше жрецов даже. Как-то уехал в очередной раз по делам, да и пропал без вести. Уже позже нашли его останки. Кости, зверьми обглоданные.

Лют решил, что все сегодня сговорились замучить его. Горелые мертвяки, колдуны, кости... Ах, да, завтра похороны и тризна Ковриги.

— Об этом как раз боярыня Людмила Сытовна поминала

на вечере, — улыбнулся Житко.

– Что? — нахмурился Лют.

– Ты опять перебрал? Я говорю, боярыня рассказывала историю о муже Снежаны.

– А что еще она рассказывала?

– Да все вроде. Твоя же была идея попросить боярина с женой посодействовать с женитьбой. Наверное, боярыня так отпугивала женихов.

– И все женихи, в том числе я, остались у разбитого корыта, — проворчал Лют, снова чувствуя большое желание бросить все и упиться до смерти, жалея самого себя. Должно быть, это и есть то, что лучше всего получается у него в жизни.

– Не все. Некоторым повезло меньше.

Похороны, а особенно тризна, удались на славу. Все были довольны, кроме покойного Ковриги Морозова, которому было все равно, и жреца Семаргла, проводившего длинную церемонию, выпившего пару бутылок вина и задремавшего прямо за столом. Лют с нетерпением дожидался, когда можно будет поймать боярина Светобора и расспросить его. Как назло, когда боярин встал из-за стола и пошел в дальний конец залы, путь поспешившего за ним Люта преградил знакомый главный дознаватель.

– Куда-то торопитесь?

– Уже нет, — мрачно сказал Лют, наблюдая, как Светобо-

ра берет под локоток кто-то из гостей.

— Я думал послать за вами, однако раз уж так хорошо получилось, мы можем поговорить и здесь.

— Давайте, — обреченно вздохнул Лют.

— Что вам известно о людях, собиравшихся в доме покойной Снежаны вдовы Распутиной?

— Ничего.

Дознаватель щелчком стряхнул с рукава мелкую букашку и погладил лысину.

— Опять?

— Все равно вы меня подозреваете, молчу я или говорю. А о гостях Снежаны есть только домыслы.

— В моей работе важна любая мелочь.

— Я тут послушал разговоры и подумал, что все люди оказались в бане не случайно, когда их подожгли. А влип во все это по горло только я.

Дознаватель пристально и молча смотрел на Люта.

— Еще я думаю, — осмелел дружинник, — что тайны почтенной вдовы могут быть связаны с ее мужем, тем, от которого остались одни кости.

— Не случайно, — проигнорировал дознаватель последнюю фразу Люта. — В бане у вдовы Снежаны играли в карты на крупные суммы. Подобное занятие никогда не обходится без займов и связанных с ними неприятностей. Непонятно только, зачем было сжигать сразу столько человек.

— Спросите боярина Светобора, — ляпнул Лют.

– Зачем? Вам что-то известно? — быстро покосился на него дознаватель.

– Я почти уверен, что... — начал Лют, но их разговор прервал запыхавшийся служка.

– Верховный жрец Велеса хочет видеть главного дознавателя! — провозгласил он среди внезапно наступившей в зале тишины.

– Что? Я занят.

– Вы занимаетесь этим делом? — раздался рокочущий бас.

Жрец Велеса стоял в дверях с мрачным выражением на лице. Впрочем, как знали все жители славного Чернограда, другого выражения у него отродясь не водилось.

– Каким именно делом? — осторожно уточнил дознаватель, и Лют ощутил его недовольство. Если вмешиваются служители культов, то надо быть трижды внимательным.

– О вопиющем деянии — воровстве храмовой казны, — ответил жрец, и все присутствующие выдохнули. — Ну, и о последнем убийстве, конечно, — закончил он, и гости снова замерли в ожидании.

– Ах, милости просим, мудрейший жрец! — пропела подоспевшая Томила, поправляя покосившийся кокошник. — К столу, к столу. Отведайте, не побрезгуйте, проводите мужа моего в...

– Вы хотите сказать, мудрейший, что эти два дела связаны? — не обратив внимания на причитающую хозяйку, еще

более осторожно спросил главный дознаватель.

Лют между тем, осененный внезапным воспоминанием, притянул к себе застывшую Томилу и прошептал ей в ухо: «Деньги, они говорили о деньгах! Я вспомнил». Томила непонимающе захлопала ресницами, ее внимание было занято тем, что говорил жрец.

– К моему сожалению, связаны. Столько народу погибло из-за двух нечестивцев.

– Двух? И вы знаете, кто они?

– Один из них известен и вам. Это он.

И длинный палец жреца указал прямо на боярина Светобора.

Тот дернулся, как ужаленный, и уставился на обличителя, а потом перевел взгляд на дознавателя.

– Вы сошли с ума. Я был дома в то время, когда подожгли баню. Я уехал и оставил все в полном порядке. Моя жена может подтвердить.

– Я обвиняю боярина Светобора Яроборовича не в поджоге бани, а в убийстве вдовы Снежаны Распутиной, — провозгласил жрец. — У меня есть свидетель.

– А... — начал было Лют, но быстро передумал. Однако, получилось, сказал слишком громко, и все взоры обратились к нему.

Лют вопрошающе повернулся к главному дознавателю, потом виновато к боярину Светобору. Оба ответили ему ничего не выражающими взглядами, только дознаватель чуть

сощурился и сморщил крючковатый нос. И Лют решил.

— Так. Я тоже свидетель.

— Что?! — боярин Светобор выкатил глаза так, что казалось, они выпадут из глазниц. — Ты не мог ничего видеть!

— Спокойно, спокойно, — дознаватель вышел вперед, чтобы быть в центре между жрецом, Лютом и боярином. — Никаких голословных обвинений не будет. Мудрейший, предоставьте своего свидетеля, а потом скажет свое слово наш, — он зло посмотрел на Люта.

— Честно слово, я только что вспомнил, — оправдываясь, залепетал тот.

Этот дознаватель невзлюбил его, Люта, с первого взгляда, как раз тогда, когда он с больной головой пришел давать показания.

— Мой свидетель... вот, — провозгласил жрец и только сейчас отошел от двери. Из-за его спины показался невысокий пухлый человек в бедной одежде.

— Видел я, значит, как боярин Светобор Яроборович тащил тело от терема до бани, — сразу заговорил он. — Тело хозяйки дома.

— Ложь! — воскликнул обвиняемый и повернулся к жрецу. — Да кто он такой, чтобы вести обо мне такие речи? Я подам жалобу посаднику и в столицу!

— Поведай и покажи им, кто ты, — сурово посмотрел жрец Велеса на своего свидетеля.

— Охотно, мудрейший. Дошел я до терема Снежаны в тот

вечер, захотел зайти, а караульный, значит, не пустил меня. — Незнакомец сделал паузу, а кто-то из гостей воскликнул: — А почему он вас должен был пустить?

Человек оглядел собравшихся и провел ладонью по лицу. К полному изумлению и некоторому страху всех почтенных и не очень гостей, оно словно подернулось дымкой. Через пару мгновений перед ними, добродушно улыбаясь, стоял тот же маленький и пухлый человек, только с совсем другой, более знакомой многим гостям, личиной.

— Колдовство! — завопила Томила.

— Ты же мертв, — сорвавшимся голосом просипел боярин Светобор.

— Конечно, — усмехнулся человек. — Ну, уж ты-то сплясал от радости, узнав о моей смерти. И был рад до тех пор, пока моя бедняжка жена не предъявила тебе расписочку о долге.

Лют хотел спросить, а чьи же кости тогда обглодали, но остерегся.

Главный дознаватель посмотрел на жреца Велеса.

— Я все правильно понимаю? Это купец Распута Нежданов сын, якобы умерший муж уже покойницы вдовы Снежаны?

Жрец кивнул.

— Он обратился ко мне за помощью в наказании тех, кто поправил законы богов и людей.

— Я требую прекратить этот балаган, — рывкнул боярин Светобор. — Я отрицаю все обвинения и немедленно уез-

жаю. Людмила! — позвал он жену.

Но та поднесла руку ко рту и со страхом посмотрела на мужа:

– Т-ты же мне сказал, что это твоя к-кровь на кинжале. Что т-ты порезался.

– Молчи, дура! — сплюнул на пол боярин, и Томила протестуяще вскрикнула.

Лют решил, что настал его черед.

– Я слышал разговор между Снежаной и боярином. Я зашел в терем с улицы, но там никого не было. Я собрался уходить, но...э-э-э... почувствовал себя плохо и оперся на стену, чтобы прийти в себя. И тут услышал голоса. Снежана говорила про какую-то долговую расписку, а Светобор Яроборович возражал и отказывался. Не знаю, чем кончилось дело. Я не хотел, чтобы меня заметили, и ушел. Теперь я думаю, что боярин заколол Снежану и спрятал ее тело в предбаннике, чтобы в убийстве обвинили любого из гостей.

– А потом, значит, забрал жену, да и уехал домой. Вроде как чем-то недоволен был, душегуб, — закончил бывший покойник Распута Нежданов.

В зале стояла тишина, в которой явственно слышались похрапывания жреца Семаргла.

Главный дознаватель прочистил горло.

– Боярин Светобор Яроборович, вы обвиняетесь в убийстве купеческой жены Снежаны Распутиной. Вы можете как дворянин обратиться в столицу в головное следственное от-

деление и потребовать доследования, а также подать челобитную князю о смягчении приговора. А теперь прошу проследовать в место своего предварительного заключения.

Два дюжих молодца появились из разных углов залы, ловко подхватили онемевшего боярина под руки и потащили к выходу. Двое других, с извинениями, мягко, но настойчиво стали выводить из залы гостей.

Вскоре не осталось никого, кроме верховного жреца Велеса, Распуты Нежданова, дознавателя, Люта, его братьевницы, горько плачущей Людмилы Сытовны и жреца Семаргла, которого решили не будить.

– Хорошо работаете, — сказал жрец Велеса.

– Хотелось бы услышать продолжение. Ведь мудрейший говорил о двух нечестивцах, — отозвался дознаватель. — И, если можно, воздержитесь от колдовства.

– Пусть он говорит, — жрец указал на воскресшего купца.

– Позвольте, — вмешалась Томила, которая поддерживала всхлипывавшую Людмилу Сытовну. — На правах хозяйки тризны, — при этих словах Лют хмыкнул, — которую превратили в судилище, я прошу позволения увести боярыню в комнаты. Ей надо оправиться от потрясения. Не каждый день, знаете ли, меняют лица и хватают мужей за убийство.

– Только не покидайте дом, — кивнул дознаватель.

– Хорошо, что бедная женщина ушла, — сочувственно проговорил Распута Нежданов. — Тяжко бы ей слушать было.

— Это Томила-то бедная? — изумился Лют. — И разве не боярин баню поджег?

— Светобор-то Яроборович убийца, нет в этом сомнений. Хотя лучше я все по порядку расскажу, раз уж мудрейший согласен. Заговор мы раскрыли, причем подлейший.

Дознаватель поморщился, но промолчал. Лют подумал, что тот не слишком доволен тем, что не он лично раскрыл дело. Предположим, с убийством, совершенным боярином, он и так справился бы с помощью своего свидетеля, то есть Люта. Но с храмовой казной не преуспел.

— Был у меня напарник, с которым я, значит, часто вместе дела вел, — продолжал между тем Распута Нежданов с присущей ему доброжелательностью, обращаясь ко всем слушателям. — И вроде не замечал я, что нечист-то он на руку, пока не предложил он мое умение, значит, в торговле применять. Отказал я ему, дурное это деяние. Он вроде не возражал. Потом я заметил, что он, значит, денег стал у меня в долг просить. Говорит, мол, дела у меня плохо идут. Я удивился, но не отказал, хотя у меня и у других купцов все вроде нормально было. А тут предложил он мне выгодное совместное дело: обещал, что часть его прибыли в оплату долга пойдет. Послушал я его, повез товар указанным путем, а на меня разбойники напали и продали в рабство за границу. На этого прохиндея я, признаться, не думал, пока не сбежал. А вернулся на родину и узнал, что тут, значит, в мое отсутствие творилось.

Распута Нежданов замолчал и посмотрел на жреца Веле-са.

— Подождите, — вмешался дознаватель. — Назовите имя.

— А я разве не сказал? — растерянно заморгал купец. — Коврига, значит, Морозов сын это. Кого хоронили сегодня.

— Вы обвиняете покойного в нападении, которое было совершено на вас два года назад? — продолжал главный дознаватель.

— Не в нападении дело, — нахмурился жрец. — А в том, что купец Коврига похитил золото, богам назначенное, чтобы пустить его на цели свои гнусные. И поджег баню, сгубив многие жизни. Правда требует вернуть золото в храм и покарать злодея.

— А как? Он же умер, — брякнул Лют и испуганно закрыл рот ладонью, когда жрец повернулся к нему.

— Кто угодно, только не он, — снова вступил Распута Нежданов. — Вернувшись в Черноград, я пошел домой. Я уже говорил, что караульный не пустил меня. Он был не из нашей челяди. Пришлось мне лезть через забор, а это нелегко. И тут понеслось... Я, значит, запыхавшийся, попадаю на двор и вижу, как Светобор Яроборович волочет мою убитую жену к бане. Я, правду сказать, не боец и не решаюсь на него наброситься. И переполох поднимать смысла нет, поскольку на воротах чужие люди стоят. Крадусь я обратно к забору, и у амбара спотыкаюсь о спящего. Слава богам, он не просы-

пается и от него, значит, брагой за версту несет. Тут у меня коленки подкашиваются. Доползаю я кое-как до сеновала и там прячусь. Сижу, думаю, что же это такое у меня в доме творится. А тут, значит, сполохи затанцевали, я высовываюсь, а там баня наша уже всю горит. Народ бежит, тушит, да только без пользы. Тут я гляжу — а из терема выбегает кто-то. Присматриваюсь — Коврига это, с каким-то ящиком в руках. Думаю, догнать что ли, а потом решаю, что да леший с ним, самому бы уцелеть. Ну, я чары на личину кладу и иду в ночлежную при храме Велеса, чтобы не столкнуться с хранителями порядка.

— И вы промолчали, — процедил сквозь зубы дознаватель. Распутя виновато улыбнулся.

— Не хотелось мне ни с кем разговаривать. Тяжело на сердце было. А с утра, значит, я и узнал, что Коврига вроде как в бане сгорел. Только ведь видел я, что не сгорел он вовсе. Думал я, значит, думал, вспомнил про долги и ящик и решил пойти к верховному жрецу Велеса.

— Все пропало! — женский вопль прервал рассказ купца.

В дверях стояла Томила, трагично воздев к потолку сжатые в кулаки руки.

— Ты слышала? — спросил Лют, подходя к брательнице.

— Деньги! Все пусто... Все! Их нет! О боги, — Томила упала на руки Люта и разрыдалась. — Я разорена! Мы пойдем в рабство вместе!

— Сестричка, успокойся. Наверняка они у Ковриги, — на-

чал Лют.

— Что? Но его пепел уже в курган засыпали.

Лют, торопливо, сбиваясь, пересказал родственнице, что она пропустила.

— Как? И кого же я хоронила сегодня? — Томила выпрямилась и осмотрелась.

— Видимо, того, кому ваш муж отдал амулет, по которому и опознали тело, — ответил дознаватель. — Сдается мне, что это был тот самый «чужой караульный», который не пустил Распуту Нежданова во двор.

— Каков гад! — воскликнула Томила, сверкая глазами. — Мало того, что разорил и опозорил меня, так еще и позволил выглядеть душой на тризне! А я-то считала, что замужем за богатым и приличным человеком. Чтоб он сдох!

— Томила, успокойся, — Лют попытался взять ее за плечо, но брательница была вне себя от ярости и отмахнулась от него.

— Что еще натворил этот мерзавец? Зачем ему нужны были все эти деньги?

— Сначала, чтобы расторгнуть брак, а потом, чтобы убить свою жену, — веско произнес жрец Велеса.

— Вот как! — задохнулась Томила. — Я потратила на него лучшие годы, а он захотел избавиться от меня?..

— Да нет. У него была другая жена, — тихо сказал Распута. Томила всплеснула руками, застонала и снова упала Люту на руки.

— Помогите, ее сейчас хватит удар! Воды! — завопил он, хлопая ее по щекам.

Дознаватель растерянно заметался вдоль стола, пытаясь найти воду среди бесчисленных бутылок с выпивкой. Распутта несколько бестолково вертел головой, а жрец Велеса хранил суровое спокойствие.

— Прекрати, Лют, — Томила приподняла голову и гневно посмотрела на него. — Я покинутая оскорбленная женщина, меня надо жалеть, а не лупить изо всех сил.

— Но я...

Томила встала на ноги, выхватила у дознавателя чашу найденной воды и уселась на скамью у стола.

— Закон обязан защитить меня от долговой ямы. Я жертва чудовищного обмана. — Она трагично всхлипнула. — Я хочу услышать все, не щадите меня.

— Откуда вы все это знаете? — вмешался дознаватель.

— Вчера скончалась вдова Зима Всеволодова, приходившаяся теткой Ковриге Морозову, — бесстрастно сказал жрец. — Перед смертью она покаялась. В то время как Распутта Нежданов просил меня о помощи, пришли от жрецов Семаргла с новостями, которые подвигли меня погрузиться в мирскую суету и распутать змеиный клубок гадостных деяний. Вот, — он достал из-за ворота своего длиннополого одеяния лист пергамента и передал его дознавателю, — имею доказательство.

— Что там? — вытянула шею Томила.

– Свидетельство о женитьбе.

– О, боги. — Томила уронила голову на руки.

– Значит, этот негодяй хотел купить себе развод, а когда это не удалось, решил избавиться от жены? — воскликнул Лют. — Получается, те люди в бане были...

– Все, кто или просто знал его тайну, или угрожал ему. Молчание стоит дорого, — продолжил слугитель Велеса. — А также те, кому он был должен. Среди них и жрец Сварога, который совершил богомерзкий обряд с Томилой Мудрославиной дочерью, польстившись на золото. Злодей постарался собрать всех вместе, пообещав каждому свое.

– Так мой начальник случайно попал? Коврига не разобрал, кого жег?

– Если в доме воеводы не обнаружится долговая расписка, — задумчиво пробормотал главный дознаватель. — В этом деле меня уже ничего не удивит, — и он снова кашлянул. — Как я понимаю, Коврига знал, что в бане играли в карты. Каждый мог поджечь ее из мести за крупный проигрыш. Коврига хотел разыграть свою смерть и скрыться с деньгами из храма, которые и были в том ящике. Нам осталось выяснить, удалось ли ему это.

– Не могу поверить, что жена занималась картами, — пробормотал Распутя.

– Мой муж чудовище. Я требую, чтобы нас развели перед богами. Все равно я уже разорена, — объявила Томила.

– Женитьба была недействительна. Считайте себя деви-

цей, Томила, — произнес жрец Велеса. — Что же до денег...

Скрипнула дверь и в комнату робко протиснулся послушник в коричневой хламиде. Он что-то прошептал на ухо верховному жрецу Велеса и бесшумно удалился. Мудрейший неспешно огладил длинную бороду и прищурился.

— От богов нет тайн, и мне стало ведомо, где живет жена купца Ковриги. Верные служители отправились к ней, ожидая, что душегуб неизбежно туда придет. И теперь его уже везут сюда.

— Хорошо работаете, — поцедил дознаватель. Вид у него был при этом такой, будто пришлось выпить прокисшего пива, даже нос уныло повис.

— Бороться с беззаконием — мой долг перед богами, — торжественно произнес жрец, но Лют заметил, что в его глазах промелькнули насмешливые искорки.

— Надеюсь, что его немедленно четвертуют, — спокойно произнесла Томила. — Так что вы там говорили насчет денег? Если надо написать прошение, я готова.

— Повезло тебе, — пробурчал Лют. — У меня нет мужа-двоеженца, и ничто не спасет меня от ямы.

Томила фыркнула и приготовилась высказать все, что она думает о таком везении, но жрец Велеса примирительно поднял руку.

— Умершая Зима Всеволодова оставила завещание. Кроме суммы, предназначенной для милостыни нищим и сиротам, она оставляет все свое состояние вам, Томила.

— А? — тупо выдохнул Лют, решив, что ослышался.

— Удивительно, — развел руками Распута Нежданов.

— Это чудо! — возопила Томила и так резко вскочила из-за стола, что жрец Семаргла, о котором успели все забыть, проснулся, зевнул и обвел собравшихся мутным взором.

— О, простите, а тризна уже закончилась?

— Да, только покойный ненадежно схоронился, — проворчал жрец Велеса

— Неправда! — не слишком разборчиво возмутился слугитель Семаргла. — За восемнадцать лет, что я провожаю мертвых, на меня ни разу никто не пожаловался!

— Мы поспешили с похоронами, — весело сказала Томила. — Я заплачу вам за напрасные труды. И думаю, Людмиле Сытовне утешительно будет узнать, что не только ее муж подлый убийца. А вам, — она посмотрела на жреца Велеса, — я запрещаю ругать кого-то в такой замечательный день.

Брови сурового слугителя поползли вверх, а дознаватель позволил себе тихий смешок в кулачок.

Распута подскочил к Томиле и, улыбаясь во весь рот, быстро заговорил:

— Я восхищаюсь вами. Сплошные несчастья, а вы так держитесь.

— О, — она лукаво сверкнула глазами. — А вы так храбро вели себя...

— А как же я? — возмутился Лют. — Мою невесту убили, ее муж оказался жив, мне грозит долговая яма. А тебе весе-

ло? Ну, спасибо.

— Что ты, родной. Думаю, я могу позволить себе оплатить твои долги. Но ты должен пообещать мне, что больше не попадешь в такую историю.

— Да уж! Постараюсь не устраивать заговоров с целью женитьбы.

Лют схватил со стола бутылку и сделал изрядный глоток.

— Может, вам стоит еще дать обещание поменьше пить? — ядовито осведомился главный дознаватель.

Лют задумался.

— Неплохая мысль. А с другой стороны, если бы не выпивка, я бы не смог уличить боярина, — он помолчал. — И стогрел бы в бане вместе со всеми. Выпьем за это?

И он протянул бутылку ближайшему человеку, которым оказался жрец Симаргла. Почтенный служитель судорожно сглотнул, его лицо позеленело, и он со стоном уронил голову на стол.

Черноградский детектив.

Сердцу не прикажешь

Жужжание многочисленных мух перебивало громкий скрип перьев усердных писарей. Главный дознаватель ходил из угла в угол запыленной комнатки, диктуя важный отчет, и вытирал пот с лица уже давно не белым платком. За приоткрытой дверью слышались топот ног, голоса, кудахтанье кур и мяуканье кота. В следственном отделении славного города Чернограда шел обычный рабочий день.

Один из писарей прихлопнул зазевавшуюся муху, уронил чернильницу и забрызгал соседа.

Главный дознаватель запнулся, строго взглянул на нарушителей спокойствия и собирался продолжить, когда у двери замелькала чья-то физиономия. Человек оживленно жестикуюлировал, давая понять, что случилось нечто важное. Главный дознаватель приказал писарям ждать и вышел в коридор.

— Что происходит? Я же просил не отрывать меня до обеда.

— Переполох у нас, — шмыгнул человек носом, сильно походящим на гнилую картошку, и взъерошил грязные жиденькие волосенки. — Докладывают, что из столицы едут, из головного отделения при дворе великого князя. Вот-вот

здесь будут.

Главный дознаватель схватил «картошку» за грудки и потряс.

– Шутить изволишь? Какого лешего они здесь забыли? В чем мы провинились? У нас и не случилось ничего громкого и провального! И сколько раз я просил мне все заранее доносить?!

На рев главного из нескольких дверей коридора высунулись любопытные лица.

– Так н-никто и не знал, — залепетал «картошка». — Может, с посыльным что случилось?

– Боги милосердные! — заскрипел зубами главный дознаватель, отбрасывая подчиненного. — Что теперь прикажешь делать?

Он обернулся, и любопытные лица мигом исчезли.

– Обеги всех, кого успеешь, пусть приведут себя и рабочие места в подобающий вид. И чтобы никто не смел жрать за столом! Уволю всех!

«Картошка» со всех ног кинулся выполнять распоряжение, а главный дознаватель вернулся в кабинет. Он мрачно отослал писарей, одновременно прокручивая в голове все громкие и нераскрытые дела Чернограда за последние пару лет, еще при старом дознавателе. Ведь не просто же так прислали человека из столицы!

Предчувствия никогда не подводили нынешнего главного дознавателя, известного как Третьяк Некрасов сын. Он был

худ, высок ростом, пег и лохмат волосом и строг с подчиненными. Он всегда бдительно следил, чтобы его неблагозвучное полное имя оставалось только в бумагах, а не служило пищей для насмешек работников отдела.

И вот спустя какие-то три часа Третьяк, старательно наглаживая буйно поросшую макушку, стоял перед гостем из столицы.

Господарь Тур Светозарович, из столбовых столичных городских, был, на первый взгляд Третьяка, не в меру молод, чересчур смазлив и, пожалуй, несколько никчемн.

«Куда уж нам, холопам, до столичных, — с издевкой подумал черноградский дознаватель, стараясь удержать на лице любезное выражение. — Еще и дворянчика заслали. Сын-ок чей-то выслужиться захотел».

– Вы знаете, зачем я здесь. Велено проверить состояние одного дела и при необходимости возобновить расследование.

Гость из столицы сел на предложенную обшарпанную скамью и неуверенно огляделся.

И снова дюжина дел в одно мгновение всплыли в голове Третьяка. Никого важного вроде не пристукнули. Нераскрытые дела, вроде кражи свиньи с купеческого двора и нападения на банщика, были слишком мелкими, чтобы привлечь внимание столицы. Какие же кикиморы принесли сюда этого знатного мальчишку?

– Я ни в коем случае не хочу мешать вам. Уверен, мы вско-

ре...

Третьяк вдруг оглушительно чихнул. Открыл рот, чтобы извиниться, и неожиданно чихнул еще раз. За закрытой дверью раздалось что-то похожее на смешок. «Всех уволю», — обреченно подумал черноградец, а вслух сказал:

– Не сочтите за дерзость и непочтение, господарь. Мы делаем одну работу. Но жара мучает нас уже который день, и я плохо соображаю. Что происходит? Что мы упустили или сделали не так?

К удивлению Третьяка, дворянчик Тур тяжело вздохнул и даже поник плечами, еще больше превратившись в мальчишку, чему немало способствовали растрепанные светлые волосы и наивные голубые глаза.

– Где-то год тому назад в одном из ваших богатых домов была убита женщина по имени Чернава. Следствие не нашло виновных, и дело списали на грабителя или душевнобольного. Муж не стал настаивать на продолжении расследования, другие родственники не объявились.

Молодой дознаватель замолчал и выжидающе посмотрел на начальника местного отделения. Третьяк откашлялся.

– Как же, помню, господарь. Я в заместителях тогда служил. Ее ударили по голове кистенем. Ни наши лучшие люди, ни приглашенные жрецы ничего не обнаружили. Была пара подозреваемых, но они во время убийства были в другом месте. Никто не давил на нас, и дело отправилось в чулан. Вы запрашивали подробности, господарь? Я об этом ничего не

знаю.

Третьяк мысленно пообещал найти провинившегося служащего отделения и отдать его в ближайший храм драить полы и чистить обувь жрецам. Никто не смеет творить дела и якшаться со столицей тайно от главного дознавателя! Да он обрушит Черноградское озеро на их головы!

— Теперь давят. — Тур вытер лоб и снова огляделся. — Нет, запрос не делали. Мне известно общее течение дела и некоторые детали со слов заинтересованной стороны.

Третьяк кивнул. Чудеса какие-то. Из-за такой мелочи... И что там про заинтересованную сторону?

— Отец мужа Чернавы — богатый и влиятельный человек. В столице он не на последнем счету. Торгует чуть ли не со всеми храмами и княжеским двором. Он написал жалобы и заставил обратить внимание на это дело.

— Это с чего бы вдруг? — спросил Третьяк, начиная понимать, что наступил в большую кучу, чем думал.

— Как мне объяснили, он не хочет, чтобы на его сыне висело клеймо возможного убийцы.

— Но ведь его отпустили восвояси.

Тур развел руками.

Третьяк тоже опустился на скамью и мрачно посмотрел на столичного молодого дознавателя.

— Там не за что было зацепиться, господарь. Приличный дом, убитая на кухне хозяйка, странные вещи с места преступления, никто ничего не видел и не слышал.

Из небольшой поясной сумки Тур достал несколько смятых листов бумаги, развернул их и, морща лоб, прочитал.

— Убитая Чернава Воронова жена, была найдена ранним утром в своем доме на кухне. Разбита голова... тело рано утром обнаружила прислуга. Ее муж — Ворон Булатов сын, дома не ночевал, пришел утром. По словам слуг, накануне вечером и ночью к Чернаве никто не заходил. Но их комнаты находятся в дальнем крыле, а спят они крепко, могли не слышать. Опрошены все друзья и знакомые убитой. Но доказать так ничего и не смогли. У всех есть свидетели их местонахождения. Как сейчас начинают говорить — алиби.

Тур оторвался от бумаг и поднял на Третьяка доверчивые голубые глаза.

— Я о чем и говорю. Безнадежное дело, господарь.

— Мой отец утверждал, что в подобных убийствах почти всегда виновен муж.

— Вы же здесь за тем, чтобы обелить этого самого мужа, — недовольно сказал Третьяк. — Это его папаша рвет и мечет там у вас в столице... Простите, господарь.

Тур махнул рукой.

— Уважаемому Булату нужна правда.

— Знаем мы эту правду, — рассердился Третьяк, который в таких делах не одной собакой полакомился. — Он уверен, что сыночек невиновен, а если вдруг запахнет жареным с этим его... алиби, так сразу же велит прекратить расследование. И вся работа пойдет лешему под пятки. А здесь, про-

шу заметить, gospodarь, много дел. — Третьяк снова вспомнил украденную свинью и побитого банщика. — Кикиморы принесли этого Ворона в наш город...

— И Булат, и его сын из Чернограда. Только в столице дела вести проще. Булат уехал туда, а сына оставил здесь. А я послан прояснить всю эту историю.

Третьяк внимательно посмотрел на ладненького беленького и опрятно одетого Тура и длительно и тяжело вздохнул. Столичный дознаватель немного покраснел.

— Я старше, чем выгляжу. И у меня есть некоторый опыт. Я уже наметил три основные линии, по которым нам надо двигаться.

— Нам? — переспросил Третьяк.

Но Тур уже сосредоточенно копался в своих листках.

— Так. Во-первых, все-таки муж. Ворон. Если хорошо приглядеться и последить за ним, поспрашивать окружение, то наверняка можно что-то найти. Говорили, что у него были любовницы и все в таком роде. Он мог избавиться от жены, чтобы остаться с одной из них.

— Пока не женился второй раз, — пробурчал Третьяк.

— Любовница узнала, что он душегуб, и отвергла его.

Третьяк мысленно закатил глаза. Ох, уж эти юношеские романтические фантазии!

— Второе. Убийца — одна из любовниц Ворона, которая хотела занять место жены.

— Нашли только одну любовницу. Вдова, весьма свобод-

ных нравов, имеет собственный дом. Непохоже, чтобы она спала и видела себя в женах Ворона, господарь.

— Одной женщиной могло не обойтись. Надо только хорошо поискать, и обязательно найдется кто-нибудь еще. — Тур потряс листами. — И третье. Убить мог муж или нареченный любовницы.

— Тогда бы прикончили самого Ворона.

— Необязательно. Отомстить врагу можно более изобретательно. Например, сделать та, что Ворона казнили за убийство жены, которого он не совершал.

На этот раз Третьяк уже не мысленно закатил глаза. Мотив. Ничего не скажешь. Может, устроить Тура Светозаровича в местный театр? Там он найдет себя.

— Господарь, я дам вам ознакомиться со всеми материалами дела. — Третьяк пригладил макушку. — А ведь ваш почтенный Булат не просто так рвет кафтан и бороду за правду. Я прав?

Тур смутился.

— Не хочу пересказывать сплетни, но ваша правда. В столице говорят, что Булат подыскал сыну прекрасную партию — богатую боярыню.

— Жаль, что не саму княжну, — буркнул Третьяк. — И слухи о темном прошлом жениха помешают всем брачным замыслам. Да уж, нелегко вашему Булату, ничего не скажешь. Интересно, а почему блестящая партия образовалась именно сейчас? Ведь убитая Чернава служила в театре.

Нельзя сказать, что подходящая жена для сына успешного человека.

— Об этом я не думал, — живо откликнулся Тур. — Но Ворон мог жениться и по любви.

Третьяк поморщился. Теперь-то Булат, стоящий на пороге личного дворянства, подрежет романтичному отпрыску крылышки. Если тот не окажется душегубом, конечно. Тогда прощай знатная девица.

— Вот что, господарь, — вздохнул Третьяк. — Я покажу вам то, что мы нашли на месте преступления. Наверное, в столичных отделениях эти вещи всегда помогают раскрыть правду. Но мне они ни о чем не говорят. А подозреваемых у нас всего два, с них можете и начать. И будьте готовы, что все ваше расследование сразу же пойдет наперекосяк. Народ у нас тут веселый.

Дружинник Лют Ярополков сын спал и видел чудесные сны. Там он женился на богатой боярыне, уехал в столицу и был представлен к княжескому двору. Его красавица жена кланялась великой княгине и целовала ей ручку, когда на самого Люта обрушился водопад ледяной воды. Он заорал и проснулся.

— Убирайся отсюда, пьяница! Налопался и валяется! Ни стыда, ни совести! Пошел вон, говорю, а то помоями угощу!

Лют вскочил и побежал, пытаясь одновременно понять, где он находится и что вообще происходит. Надо же было

так некстати по дороге из кабака присесть отдохнуть на сваленные в кучу у какого-то дома мешки и заснуть. Хорошо, что стражей порядка поблизости не случилось.

Лют остановился и покрутил головой. Похоже, спал он долго, раз она не кружилась. А значит, сейчас должен быть уже или поздний вечер, или ночь. Лют как мог привел себя порядок, подумал и хотел направиться домой, но потом подумал еще и повернул обратно к кабаку, потому как его начала мучить жажда.

Питейное заведение еще работало, хотя народу было мало. Лют не нашел никого из знакомых или сослуживцев, заплатил за квас и, вздохнув, присел ближе к раздаточному столу.

— Что — отпуск дает о себе знать? — ехидно поинтересовался сидящий рядом человек.

— Да, — буркнул Лют. — Еще немного, и он меня погубит. Человек хмыкнул и уткнулся в бумаги, лежащие перед ним.

Лют прищурился. Он знал своего неожиданного собеседника. Это был сам хозяин кабака, которого гости видели не так уж и часто. И не только этого кабака, но еще и двух других в городе. Правда, те заведения были немного приличнее. Путята Воянов сын его звали и, надо сказать, побаивались. Поговаривали, что он недругов своих и тех, кто дела его портит, без разговоров сует в мешок и бросает в Черноградское озеро. Что, мол, много в озере жертв Путяты на дне почива-

ет. Однако Лют не переходил дорожку Путяте, разве что потреблял его выпивку. Поэтому не сильно опасался озерного дна.

Дружинник допил свой квас и заказал еще кружку. Путята тем временем закончил возиться с бумагами. Он встал, потянулся, снова весело посмотрел на Люта и собирался что-то сказать, но его прервал подошедший половой.

— Я тут эта... слышал сегодня... — начал он. — В нашем отделении теперь столичный дознаватель какой-то. Собираются то дело на свет вытащить. Говорят, снова будут допрашивать, хозяин.

Лют краем глаза увидел, как Путята нахмурился. Нехорошо так нахмурился.

— К навьям тварям их всех. Толку-то, что из столицы приехал? Далековато теперь столица от него будет.

Путята отвернулся, схватил бумаги и быстрым шагом ушел прочь.

Лют, попивая квас, лениво размышлял, а не отправится ли этот неизвестный столичный дознаватель подкормить рыб в Черноградское озеро?

Следующий день застал совершенно трезвого Люта в гостях у брательницы Томилы. Требовалась помощь в подготовке пира по случаю годовщины ее свадьбы, и Лют поостерегся пить. Томила могла в приступе гнева и с лестницы спустить и вообще на пол города опозорить.

— Ах, Лют, ты опять опоздал, — причитала брательница, быстро проводя его в дом. — Распута отправился закупать бочки соленостей и рыбы и забрал с собой всех слуг-мужчин. А на нас размещение гостей. Я нарисовала, как расставить столы, скамьи и стулья. Вот, посмотри.

— Бочки? Вы собираетесь кормить весь город?

Томила посмотрела на него с видом оскорбленной добродетели.

— Надо поддерживать положение в обществе. Разве мы не одни из самых богатых людей в городе? Думаю, некоторые уважаемые господа и бояре тоже придут.

Лют вспомнил сгоревшую баню и все события, благодаря которым Томила получила наследство и счастливо вышла замуж. Прежний ее муж не сильно нравился Люту, но его арестовали за кражу и убийство и казнили.

Нынешний муж Томилы, купец Распута Нежданов сын, кроме хорошо идущих дел имел еще и способности к колдовству, и Лют немного его опасался. Впрочем, тот был человеком добрым и мягким и не любил выставлять напоказ необычные умения.

— А я кто? Бедный родственник? — пробурчал Лют, с трудом двигая тяжелый стул.

— Бражкин ты родственник, — укоризненно сказала Томила. — Давно бы вылез из долгов, если бы не гулянки и выпивка.

Томила на свой лад заботилась о Люте, что чаще всего

выражалось в попреках, хотя и не сказать, чтобы несправедливых. Их отцы были братьями-близнецами, и после смерти одного из них Лют и Томила росли в общей семье.

— Я сегодня не пил, между прочим. И вчера вечером пил только квас.

— Так я тебе и поверила, — сквозь шуршание отозвалась Томила из угла, где стояли сундуки. — Я пригласила пару богатых невест. Так что постарайся поменьше пить, а то опять опростоволосишься. Будь полюбезнее, позови кого-нибудь в приличный кабаk или в театр.

Лют, пыхтя, таскал стулья и покорно слушал нравоучения брательницы.

— Театр... У нас один дружинник, Ворон зовут, был женат на ком-то оттуда. Так вот, не поверишь, Томила, где-то год назад ее убили прямо в доме. Помнится, как раз перед этим Ворона повесили, определили в дружину посадника. И тут такое несчастье.

Томила перестала шуршать.

— Как странно. Сегодня приходила старая знакомая, приносила ткани. Она рассказывала, что ее постоянную заказчицу неожиданно вызвали в следственное отделение. Та была вне себя — тревожить честную женщину без всякого повода. Хотя она не сильно-то честная, вдова, Баженой зовут. Но все-таки... Жену вашего Ворона случайно не Чернава звали?

— Вроде так, — озадаченно произнес Лют.

— Из столицы вроде приказали убийство заново расследо-

вать. Недовольны работой наших дознавателей остались.

— Старый дознаватель хороший был, — сказал Лют. — На покой ушел. А новый, похоже, сел в лужу. Надо будет найти Ворона и предупредить его.

— И что мы имеем с гуся, кроме костлявых лап и клюва? — с ехидцей поинтересовался дознаватель Третьяк у высокогородного гостя.

Господарь Тур зашелестел бумагами.

— Я вызвал в отделение главных действующих лиц, — пробормотал он. — Надеюсь, вы не против? Необходимо получить от них повторные сведения.

«Он меня до горячки доведет, — обреченно подумал Третьяк. — Уже распорядиться начал».

— Никому не показались странными рассказы Ворона и этого Путяты Воянова сына? О том, где они были во время убийства? Оба работали допоздна.

Третьяк счел за лучшее промолчать.

— И это при том, что орудием убийства послужила часть кистеня Путяты? Я уже не говорю про сомнительное алиби мужа.

— Путята точно сидел в своем кабаке. Это подтвердила пара десятков человек. Ворон был на службе во дворце посадника. Мы все это уже проходили год назад.

При воспоминании о Путяте у Третьяка запершило в горле. Не любил он связываться с такими людишками, даже по

работе. Их надо или сразу давить, или самому нырять в Черноградское озеро.

— Прикажете еще кого вызвать? — вслух сказал Третьяк.

— Пожалуй. Да, еще одну боярыню. — Тур почесал нос и чихнул.

— Это зачем понадобилось?

— Одна из моих мыслей. Надеюсь, верная.

— Иначе не сносить тебе головы, малец, — тихо произнес Третьяк, делая вид, что заинтересовался пустой чернильницей. — Здесь тебе не чистенькая и ладненькая столица под всевидящим государевым оком.

Тур тем временем заметно приуныл. Он рассматривал нечто маленькое, лежащее перед ним на тряпице — несколько перьев, опаленных по краям.

— А-а-а, — понимающе протянул Третьяк. — На вещественные любуетесь. Я, помнится, неделю над этим голову ломал — как перья оказались рядом с убитой. И вообще имеют ли они отношение к делу.

— С головкой от кистеня все ясно, а это... — Тур вздохнул. — Но я обязательно во всем разберусь.

Он встал и пошел к двери и на самом пороге обернулся.

— И еще нам надо успеть зайти в храм Велеса. У вас же он есть?

— Само собой, — медленно произнес Третьяк и внезапно развеселился. — И даже храмовая школа при нем. Вы желаете допросить жрецов? Они будут в восторге, уверяю. Один

из них, помнится, обставил в расследовании моего предшественника. Поговаривают, что тот впал в ничтожество и поэтому ушел на покой.

— Так это же хорошо, — сдвинул брови Тур. — То, что жрецы идут навстречу и даже помогают.

Третьяк прыснул со смеху, повалился на стол и жестами показал господарю, мол, творите, что хотите, благословляю. Когда Тур вышел, черноградец выдохнул и вытер со лба обильный пот.

Лют, болтая ногами, сидел на неудобной скамье отделения, искоса посматривая на своего соседа. Тот нервничал. И неудивительно — нелегко быть дважды подозреваемым в убийстве жены.

Лют увязался за Вороном из любопытства. Он нашел бывшего сослуживца во дворце посадника, но не успел сказать и слова, как явился посыльный из следственного отделения. По дороге Лют быстро объяснил Ворону, в чем дело. Тот вздыхал, кусал губы и вообще выглядел весьма странно. Может, это и правда он?..

Дверь напротив открылась, и показался никто иной, как Путята Воянов сын. Лют и Ворон открыли рты для традиционного приветствия, но Путята вихрем промчался мимо них. Его ладони были сжаты в кулаки.

— Мда... — протянул Лют.

Ворон ничего не успел сказать, он был следующим.

Лют просидел еще полчаса, дождался Ворона, но с ним не ушел. Тот был хоть и не взбешен, как Путята, но сильно не весел. К тому же Лют увидел, как в дверь зашла молодая грузная женщина. Еще одна свидетельница, похоже.

Лют посидел еще немного, потом заскучал и подумал пойти домой, но перед этим зайти что-нибудь выпить. Только не в кабак Путяты. Там, наверное, теперь яд вместо бражки и вина подают, под стать настроению хозяина.

Решив срезать путь, Лют прошел задним двором отделения, где в кучах мусора копошились сонные куры, неожиданно споткнулся о старое ведро без дна и упал. Бормоча ругательства, Лют хотел подняться, но, увидев нечто интересное, замер на месте. Всегда наглухо закрытые ставни маленького окошка отделения распахнулись, и из него послышались голоса.

— И на кой все закрыто-то? Жара несусветная! Татей боитесь? А еще стражами порядка зоветесь, — послышался резкий женский голос.

— Положено так, — мужской голос звучал тише. — Благодарите господаря, что позволил пойти на нарушение.

— Будь боги вами довольны, господарь, — так же громко провозгласила женщина. — Небось допрашивать будете? Так я ж уже давно все рассказала, как на духу. Вот!

Ага, похоже, уважаемый дознаватель вместе с не менее уважаемым столичным гостем вызвал очередную свидетельницу. Лют решил подождать со вставанием. Грязновато, ко-

нечно, но любопытство сильнее брезгливости. Еще бы пивка прохладненького, так совсем бы хорошо лежать и слушать было. Правда, если заметят, что он подслушивает под окнами отделения, не сносить ему тогда своей должности в дружинке. Однако любопытство и здесь оказалось сильнее. Лют устроился поудобнее, сдвинул шапку на затылок и замер.

Слышно было в основном свидетельницу. Она, не стесняясь в громкости речи и выражениях, отвечала на вопросы. Лют поморщился, обдумывая услышанное. И эта, как ее там, Бажена, была тайной любовницей Ворона? Так ведь он сын приличного и очень богатого купца из столицы. Зачем ему склочная невоспитанная баба, которая крепкими словами могла заставить покраснеть всех завсегдаев кабака Путьяты? Верно говорят жрецы — человеческая природа темна и загадочна. Он, Лют, мечтает о красавице боярыне, а для кого-то такая вот дороже солнца красного. Мог ли Ворон убить жену, чтобы жениться на Бажене? И почему тогда до сих пор не женился?

Словно отвечая мыслям Люта, один из дознавателей повысил голос.

– Собирался ли Ворон жениться на вас?

– Ничуть! На кой нам обоим это сдалось? — ответила Бажена. — У меня есть свой дом, хозяйство, небольшое дело даже. Муж мой помер, в другом не нуждаюсь.

Странное заявление для владелицы мелкой лавки. Лют пошевелился и отогнал наглую курицу, которая клевала его

рукав. Соединили бы торговые дела, всем было бы хорошо. А был бы счастлив отец Ворона? Лют тихо хмыкнул. В пляс бы от радости пустился, семь гуслей на свадьбе порвал.

— Да что вы вообще думаете! — завопила вдруг свидетельница. — Я честная женщина и не мешаюсь со всякой навьей дрянью! Есть еще всякие, хотели Ворона женить на себе. Спали и видели, как бы зельем приворотным опоить, к колдунам таскались. Могу назвать имена, к лешему лысому! Вон боярыня Ярослава, даром что больно знатная и нос кверху держит! Да и сама Чернава колдовством баловалась, боялась, как бы Ворон не бросил ее. А вы меня жмете! И Путяту этого потрясите, рожа у него сильно паскудная!

Всеобщими усилиями дознаватели утихомирили Бажену и, видимо, выпроводили вон. Допрос закончился, и Лют, встав на четвереньки, тихо уполз со двора, поборов искушение захватить с собой курицу.

— На сегодня все. Я с ног падаю. — У господаря Тура Светозаровича был затравленный вид.

— А я вас предупреждал, — покосился на него Третьяк. — Здесь у нас еще не такие людишки водятся.

— Мы должны спасти уважаемого Ворона, — с неожиданной горячностью выпалил Тур. — Это... боги не допустят этого. Почтенный Булат заболает, если узнает.

Главный черноградский дознаватель без труда понял, о чем речь.

– Вы сами слышали, не желает она замуж за Ворона. А почтенному Булату следовало держать сына при себе, раз такое дело. Мда... столичной боярыне лучше не знать о житье-бытье ее будущего мужа. — Третьяк развеселился. — Ради нее-то Ворон вряд ли бы стал убивать.

Тур с ужасом посмотрел на собеседника, но увидев, что тот шутит, перевел дух.

– Завтра я должен встретить боярыню Ярославу Мирославовну. И еще зайти в храм Велеса. Негоже почтенных жрецов в отделение тащить.

Третьяк, отсмеявшись, сосредоточенно складывал бумаги на столе.

– Как вы думаете, кто из них? — спросил Тур.

Черноградец пожал плечами.

– Я думаю, что меньше знаешь, крепче спишь, но с нашей работой это неосуществимо. Год назад я считал, что Путята вполне мог исхитриться уйти из кабака, вломиться к Чернаве, ударить ее по голове и преспокойно вернуться. Гости были к тому времени пьяны в дым, а работники не посмели бы послушаться Путяты и выдать его. Возможность у него была. Но, признаться, причина от меня ускользает. Зачем Путяте Чернава?

– Был пьян, хотел свести счета с Вороном, — сказал Тур. Опять эти его фантазии.

– Не было у них счетов, — терпеливо пояснил Третьяк. — Мы проверяли. И, кстати, на дело Путяты пьяным не хо-

дит.

Тур изумленно воззрился на черноградского дознавателя, и тот смущенно кашлянул.

– Ну, так говорят.

– Понятно. Если придется хватать Путятю, я вызову помощь из столицы.

– Найдете причину убийства и доказательства — вызывайте хоть великокняжескую дружину.

– Хорошо. Давайте немного сосредоточимся.

Третьяк подумал, что они уже получили на сей день свою долю этого действия, но промолчал.

– Есть два предположения — или с Вороном свел счета Путятя и его подручные, или женщины самого Ворона. Это более менее ясно. С одной стороны, Бажена, а с другой, я почти уверен, боярыня Ярослава. Водила дружбу с Вороном и собиралась за него замуж. И она более подходящая партия для вдовца Ворона.

– Позвольте с вами не согласиться, — откликнулся Третьяк. — Родовита и одна из первых красавиц, все верно. Только за душой у нее ни гроша. Род разорился.

– В любом случае, в нее верится больше, чем в Бажену. Булат скорее мог согласиться на брак сына с родовитой бедной боярыней, чем с... — Тур помотал головой. — Да, еще попрошу обратить ваше внимание на упоминание колдунов. Кистень здесь может быть ложным следом, а убили с помощью колдовства. И перья эти на ритуал указывают. Люди ча-

сто пытаются устроить судьбу с помощью высших сил.

Третьяк слушал Тура и тоскливо смотрел на стену. По стене ползла очередная треклятая муха, а по шее дознавателя полз пот. День снова был мучительно жарким.

К ночи Лют успел основательно набраться в кабаке и попотчевать друга Житко дневными приключениями. Друг кивал головой и сыпал версиями не хуже дознавателей. По его словам, душегубом выходил Ворон, который стащил кистень у Путяты, чтобы хитро подставить его.

— Заколел двух медведей, — сказал Житко, вытирая губы рукавом и посмеиваясь. — От жены избавился и Путяту чуть не подвел под казнь. Только Путята все равно вывернулся. И теперь вывернется. И если узнает о делишках Ворона, то рыбы в озере славно попируют.

Конечно, сидели они не в заведении вышеупомянутого кабатчика. Иначе бы поостереглись обсуждать такие дела.

Лют фыркнул в кружку, и пена полетела на стену, и без того уже липкую и грязную.

— А чем Путята-то Ворону не угодил?

— Да кто ж их разберет. Денег у обоих — любой храм от зависти удавится, вот и не поделили что-то. Вон муж покойный твоей брательницы из-за денег кучу народа в бане сжег.

Лют вспомнил события прошлого года и вздрогнул.

— И еще... — загадочно произнес Житко и наклонился вперед. — Я тут подумал... Ворон был с теми, кто к змею то-

гда ходил. Примерно тогда это и было, может, немного раньше.

— Какой еще змей? — изумленно спросил Лют и помотал головой.

— Ты про змея не слышал? — удивился Житко. — Он давно поселился в лесах недалеко от города. Сидел себе, никого не трогал, скот не воровал, людей не ел, охотился на дикого зверя. Но посадник неспокоен был и решил послать пару-тройку десятка дружины, чтобы спросить у змея, чего тому надобно. Отправились два десятка посадниковой дружины и десяток наших. Вот среди них и Ворон был.

— Тридцать человек на змея? — недоверчиво спросил Лют.

— Так не убивать же они его собирались, — возразил Житко. — С ними еще два жреца — велесов и симарглов. Жрецы спорили, можно ли считать змея разумным существом и творением богов, почти равным человеку. Понятно дело, что захоти змей их сожрать, это стало бы совсем не важно. Змей большой, ему видней, кто там разумный, а кто и вкусный, — рассмеялся Житко.

Вечно друг к ночи начинает страшные истории рассказывать. Лют допил пиво и забыл заказать новое.

— И что? Сожрал?

— Да ну, что ты, — отмахнулся Житко. — Пока дружинники отдыхали на теплой полянке под солнышком, жрецы беседовали со змеем. И, видимо, змей их переумничал. Го-

ворят, даже еще в гости звал, но жрецы отказались. И так перед дружиной опозорились.

— И откуда ты все знаешь?

— Так... люди рассказывают, — усмехнулся Житко. — Ворон тот же. Смеялся, что надо было выпросить у змея кучу злата и удачу на всю жизнь. Он-то посильнее наших всех жрецов и колдунов будет. А потом некоторые поговаривали, — Житко нагнулся еще ниже и просвистел жутким голосом, — что неспроста к Ворону бабы-то стали липнуть. Может, он к змею и ходил, тот ему зелье какое и дал.

Бабушкины сказки, решил Лют, а вслух спросил:

— А что со змеем стало?

— А что с ним станется? Живет, скорее всего, там до сих пор, кабанчиков кушает. Я возьму еще пива. Тебе брать?

Поздним утром Лют решил дойти до озера и немного освежиться. Ему предстоял еще один тяжелый день, занятый подготовкой к пиру у Томилы. И если брательница заметит несвежий вид, то Люту сильно не поздоровится. Его мутило от ночных посиделок, а в голове проносились воспоминания о змее, пожирающем жрецов.

Он искупался, посмотрел, как несколько девушек плели венки, и собрался уходить, но услышал знакомый голос. К одной из девушек направлялся человек в красивой одежде. Это был один из тех дознавателей, что разговаривали с Баженой. Главного дознавателя Третьяка Лют знал в лицо. Зна-

чит, это столичный знатный гость наведалься к озеру. С некоторой досадой Лют отметил, что тот был молод и хорош не только одеждой.

Дознаватель приблизился к девушке и поклонился. Рядом с ней тут же возникла пожилая женщина.

– Боярыня Ярослава Мирославовна? — спросил гость.

– Что вам нужно? Боярыня не желает... — сурово начала пожилая женщина, похоже, нянька или сопроводительница.

– Оставь, Буря, пусть говорит.

Лют с любопытством уставился на них. Это та самая боярыня Ярослава, которую упоминала Бажена? Еще одна зазноба Ворона? Ну, тут уж его можно понять. Красоты Ярославы не портили даже нотки высокомерия в голосе и немного задранный подбородок. Темные волосы с медным оттенком и глубокие серые глаза завершили картину бесконечного восхищения Люта. И, похоже, оно не обошло стороной и столичного гостя.

– Э-э... ммм... сударыня, вы не пришли на допр... на встречу. Вам было назначено на утро.

– Я не встаю так рано. Иначе мои мысли путаются, а вам нужен разумный свидетель. Ведь так, уважаемый... — Она сделала паузу.

– Го-господарь Тур Светозарович, из городских столбовых. Я приехал из столицы, чтобы...

– Ах да, — перебила его боярыня Ярослава с легкой улыбкой. Подбородок ее милостиво опустился. — Знатный сто-

личный дознаватель. Если вы сейчас отправитесь в отделение, то через небольшое время я навещу вас. Мне брать с собой Бурю, или я буду в безопасности?

Старуха-сопроводительница заворчала, а Лют почувствовал, что Ярослава откровенно насмехается над неловкостью дознавателя, павшего жертвой ее чар.

— Как пожелаете, су-сударыня.

— Что ж, тогда поворошим старые кости, — улыбнулась Ярослава, обошла дознавателя и прошествовала дальше.

Лют не сразу понял, что так и остался стоять с открытым ртом.

Красавица-боярыня в его снах. Ярослава так похожа на нее. Может, надо поспешить в отделение, чтобы там случайно встретить ее и заговорить? Но если она так обошлась со столичным господарем, что достанется несчастному дружиннику Люту? И что скажет Томила, если он не придет помогать? Зажарит его вместо гуся на вертеле? Утопит в бочке с рассолом?

Лют поник головой и пошел к брательнице, памятуя о том, что главное — это мир в семье.

Полдня Лют терпеливо сверял списки снеди, в огромных количествах закупленной Томилой. В доме стояла страшная суета, поэтому когда мимо к открытой двери промчался Путья, Лют даже забыл удивиться. Этот-то здесь откуда? Брага и пиво закупались у него? Вряд ли бережливая Томила по-

шла на это.

Додумать Лют не успел, вслед за Путятой появился муж брательницы. Он медленно и степенно прошел сквозь залу к замученному Люту, сел на скамью и также неторопливо осушил туюсок с квасом.

– Жаль мне его, — сказал Распута.

– К-кого? — заикнулся Лют. — Путяту что ли?

– Раз четвертый ко мне приходит. Все, значит, уговорить пытается. Но я такими делами не занимаюсь.

Лют забыл о списках и повернулся к Распуте.

– Путяте нужно было колдовство?

Родственник вздохнул.

– Женщина одна есть. Совсем его покоя, похоже, лишила. Ко мне часто с таким приходят. Да только скверно это — силой привязывать к себе. И я, значит, ему так и сказал. Который раз уже. А теперь на него еще беда с этим убийством навалилась.

Лют открыл рот, но тут же захлопнул его.

– Вот так дела, — протянул он. — Об этом все говорят. Мой друг считает, что Путяту подставили.

Распута махнул рукой.

– Если могу, то всем помогаю. И, значит, если невиновен он, тоже помог бы. Но привораживать не буду.

– А что за женщина? — полюбопытствовал Лют. — Кто же так очаровал нашего грозного Путяту?

– Молодая дворянка. Говорит, красавица невозможная.

– Боярыня Ярослава! — почему-то вырвалось у Люта.

– Тебе-то откуда известно? — нахмурился Распута, и Люту стало страшновато. Все-таки побаивался он могущественного родственничка. — И не болтай попусту. Люди знают, что я храню их тайны.

– Совсем я что ли ума лишился, чтобы секреты Путяты выбалтывать? — откликнулся Лют и потянулся за полным кувшином кваса. Его продолжала мучить жажда.

Какая интересная картина получается. Путята влюблен в боярыню Ярославу, которая собиралась замуж за Ворона. Или не собиралась. Неважно. Главное, что Житко-то попал в самое яблоко — у Ворона могли быть веские причины убрать с дороги и жену, и Путятю.

Размышления Люта были прерваны Томилой, которая вошла в залу и сходу принялась распекать работников, таскающих мешки и бочки. Досталось и Люту за его «мечтательное и несерьезное лицо».

– Распута, к тебе опять приходил этот кабатчик? — повернулась утомленная разносами Томила к мужу.

– С тем же успехом, — отозвался тот.

– Надеюсь, он не подожжет наш дом из-за твоего отказа?

– Ну что ты... Он не такой уж и плохой человек.

– Скажи это тем, кто лежит в мешках на дне озера, — хмыкнула Томила и задумалась. — Надо бы и его пригласить.

Лют закашлялся.

— Только не говори, что ты испугался, — грозно сказала ему брательница. — Не позвать будет невежливо.

— Тогда уж и Ворона зови. Пусть все подозреваемые придут.

— Неплохая мысль, — оживилась Томила. — Гостям будет очень интересно, ведь в городе только и говорят, что о давнем убийстве и о столичном дознавателе. Пригласим и его на пару с нашим.

— Я обновлю списки, — миролюбиво сказал Распута.

Лют упал лбом на стол, выражая крайнюю степень отчаяния. Его плечи тряслись от смеха.

В это время господарь Тур Светозарович пытался сладить со свидетельницей. Боярыня Ярослава заставляла его потеть, заикаться и чувствовать себя последним болваном. Насколько легче было с Баженой, которая не была так хорошо воспитана и, самое главное, не так красива. Нет, с отчаянием думал Тур, дознаватель не имеет право влюбляться в свидетелей. И где этот проклятый Третьяк, когда он так нужен?..

Черноградец не пришел на допрос. Он любезно предоставил вести его «господарю Туру», дабы не мешать его так блестяще начатому расследованию и не смущать сударыню боярыню своей «простолюдинской мордой».

— Позовете, если нужны будут какие-нибудь документы, — сказал хитрый Третьяк и исчез с глаз. Сидит, наверное, где-нибудь в дальних комнатах и посмеивается.

Впрочем, писаря Третьяк прислал. И теперь эта черноградская физиономия, высунув кончик языка, старательно записывала беседу, плохо делая вид, что ему ни капельки неинтересно.

— Итак, — прокашлялся Тур, стараясь собраться с мыслями. — Тот день и ночь вы провели в своем поместье, в дне конного пути от города. Приехали ближе к вечеру следующего дня и тогда же узнали об убийстве. С Вороном, вдовой Баженой и кабатчиком Путятой не встречались более недели. Все правильно?

— Все, — подтвердила Ярослава. — Я обычно провожу в поместье лето и часть весны и осени, иногда заезжая в город. Здесь у меня нет дома, приходится снимать комнаты, а делать это круглый год... дорого.

— Вы изредка общались с вдовой Баженой, за Ворона же со... соб... сговаривались на свадьбу. Верно? — ушел от одной щекотливой темы и тут же влез в другую.

Ярослава немного поморщилась.

— Вы прекрасно знаете о моем положении. Я бесприданница, у меня есть только титул и ветхое поместье. Конечно, Ворон был бы для меня блестящей партией, хотя он и ниже меня по рождению. Его отец претендует на личное дворянство, которое, благодаря мне, могло превратиться в потомственное. — Она замолкла.

— Дело было в самом Вороне? — подсказал Тур.

— Он предпочел бы жениться на Бажене. Знаете, его же-

на, Чернава, была тоже... как бы это сказать... — Ярослава замялась. — Мой титул не привлекал его так, как женщины такого...хм... типа. Полагаю, его отец был сильно недоволен — то гусярша из театра, то вдова мелкого лавочника.

— А ваша красота тоже не привлекала его? — внезапно ляпнул Тур и замер в ужасе. Боги, что он творит!

Ярослава громко и искренно рассмеялась.

— Раз уж вы вызываете меня на такой прямой допр... разговор, то я согласна. — Она поправила рукава, и Тур засмотрелся на ее тонкие запястья и изящную форму ногтей. — Я открою свои мысли. Я ведь тоже тогда много думала.

Тур повернулся к писарю и сделал знак не записывать, подкрепив его свирепым взглядом. Писарь заткнул перо за ухо и послушно уставился в потолок. Доложит ведь Третьяку, да и леший с ним.

— Чернава была глупа, — без обиняков начала Ярослава, подперев подбородок руками. — Бажена тоже не сильно умна, но гораздо хитрее. Она всегда утверждала, что не желает замужества с Вороном. Покойный муж Бажены оставил ей небольшую лавку, и новый муж ей вроде бы ни к чему. Я знаю, Бажена рассказала, что была у себя в доме во время убийства. Служанка и торговка нитками, заходившая к ней вечером, подтвердили это. Но бывает, что все не так, как кажется. Бажена в долгах, страшно хочет замуж за Ворона и нашла способ заставить замолчать служанку и свидетельницу.

— Всем рот никогда не заткнешь, — возразил Тур, чув-

ствуя, что приходит в себя. Разумные речи Ярославы настроили его на бодрый рабочий лад. — Обязательно найдется тот, кто проболтается.

— Если Бажена и Ворон были в сговоре, — в голосе Ярославы стали слышны торжествующие нотки, — он заплатил слугам и торговке нитками и запугал их хорошенько.

— Вы считаете, что он на такое способен? Несмотря на... Кхм... На допросе Ворон произвел совсем другое впечатление. Он скорее мягок и не уверен, чем прямолинеен и дерзок. Да и почтенный Третьяк подтвердит, что это мог сделать скорее Путьята.

Ярослава приподняла брови.

— Кабатчик? Да, наверное. — Она опустила голову.

Туру не понравился ее тон. Она что-то не договаривала.

— Все зависит от того, насколько Ворону надоела Чернава, — продолжала Ярослава, быстро справившись с замешательством. Тур уже не был уверен, что ему не показалось. — Предположим... предположим, на него давил отец. А с другой стороны — Чернава, осознающая свое шаткое положение. И Бажена где-то рядом. В отчаянии люди, бывает, совершают странные поступки.

— Булат, отец Ворона, нашел ему в столице невесту, — сказал Тур, хотя был не уверен, что ему стоит это разглашать. — Богатую и знатную. Поэтому и потребовалось дополнительно расследование.

— Понимаю, — кивнула Ярослава. — Возможно, это уже

не первая невеста. Но раньше была Чернава, а теперь... — Она снова замолчала.

— А теперь осталось узнать, ради кого Ворон мог убить — ради Бажены, или ради вас.

— Он ваш основной подозреваемый? — улыбнулась Ярослава.

— И ваш тоже, — заметил Тур.

— Раньше мне было тяжело об этом думать. Но теперь все прошло.

Невозможно описать, как Тур был рад это слышать. Что ж, если ему придется хватать Ворона, это не доставит Ярославе огорчений.

— Я благодарю вас за содействие, сударыня, — сказал он. — Теперь позвольте вас проводить. Я все равно хотел побывать в храме Велеса.

— Вы будете допрашивать жрецов? — удивилась Ярослава.

— Почему же сразу допрашивать? Я хотел поговорить и спросить совета. Бажена упомянула о посещениях Чернавой и... вами... колдунов. Вот у меня и появилась мысль, что в убийстве могло не обойтись без ворожбы.

— Любая девушка хочет знать о своем суженом, — загадочно улыбнулась Ярослава.

Тур засмотрелся в ее глаза, а потом одернул себя.

— Вы могли бы мне помочь, — сказал он. — Я неместный, и верховный жрец ...

— Тут вам повезло, — перебила его Ярослава. — Верхов-

ный жрец Велеса старый друг моего покойного деда. Я познакомлю вас.

– Благодарю от всей души, — искренне выдохнул Тур.

Прежде, чем первой выйти в дверь, Ярослава задержала на нем взгляд своих чудесных глаз. Но, может быть, Туру это показалось.

В храм Велеса коварный Третьяк тоже не соизволил явиться. Похоже было, что черноградский дознаватель решил под шумок свалить на столичного всю работу, а самому приятно отсидеться на печке. А потом разделить славу, разумеется. Хотя какая там, к лешему, слава? Третьяк просто не желает связываться с некоторыми людьми. И, может, мудро поступает, с его-то опытом.

Тур начинал себя чувствовать не в гостеприимном маленьком городке, а в клетке с хищниками. То улыбочивый возможный душегуб Ворон, прикончивший жену, то тать Путята, делающий вид, что занимается честным трудом. А то и суровый верховный жрец Велеса, который в своем храме чуть ли не бог. И жизнь дознавателя, пусть даже столичного и из столбовых дворян, здесь едва ли дороже жизни таракана. Кто знает — вдруг и жрецы топят неприятелей в этом их проклятом озере?

Верховный жрец словно услышал Тура и свел брови еще сильнее.

– Смотри же, дознаватель, не допущу, чтобы Ярославу

бесчестили. Не удумай ее обвинять, не разобравшись. Не полюдски это и не по-божески. В этой нехорошей истории и так одну женщину невинную загубили.

Сама боярыня Ярослава отошла повидаться с друзьями в храмовую школу, и Тур сидел вдвоем с верховным в небольшой комнатке. Здесь было прохладно, светло, и сделано все, чтобы гости и просители чувствовали себя спокойно и уютно. Вот только у столичного господаря в горле все равно ком стоял, и кишки все норовили в узел завязаться.

– Я знаю, мудрейший. Совета у вас просить хотел, — заговорил Тур, стараясь выбросить из головы мысли об озере.

Верховный жрец немного помедлил, важно кивнул и огладил бороду.

– Тяжелое дело мне досталось, — продолжал Тур. — Из столицы давят, и здесь помощи не дождешься. Вот я и стараюсь, как могу. Спасибо сударыне Ярославе, что помогла мне.

– Нужен ли тебе просто виновный, или же истины ищешь? — спросил жрец.

– Истины. Дело такое, что просто так свалить вину на кого-то нельзя, скверно это будет. Но у меня почти ничего нет. Пршшлое расследование было давно и, хотя все записи сохранились, мне они мало чем помогли. Главный дознаватель Третьяк показал и рассказал мне все обстоятельства, однако...

Повинуясь какому-то порыву, Тур выложил верховному жрецу Велеса все, что он знал на сегодняшний день. В конце

рассказа даже показал странную находку — эти несчастные перья.

— Колдовство говоришь? — задумчиво сказал жрец после небольшого молчания, во время которого также сурово смотрел на Тура. — Что ж, все может быть. Только чтобы верно все узнать, надобно бы тебе, господарь, к хорошему колдуну обратиться. Грамотный человек и подскажет, и шкурного интереса держать не будет.

— Я никого не знаю в Чернограде, — развел руками Тур.

— Зато я знаю. — Верховный встал, подошел к небольшому столу, похожему на алтарь, покопался там и вернулся к собеседнику, держа в руках какую-то бумагу. — Вот. Завтра в городе большой праздник будет. Почтенный купец Распуты Нежданов сын и жена его Томила в честь годовщины свадьбы дают пир. Люди они видные, много народу соберут. Ты пойдешь туда, господарь, и обратишься к самому Распуте. Человек он хороший, ни словом, ни делом зазря не обидит, и все точно растолкует, ибо в колдовстве весьма сведущ.

— Но, мудрейший, меня не приглашали, и я боюсь, что...

— Коли боги открывают тебе путь, то следуй по нему, а не болтай попусту, — строго прервал его жрец. — Там тебя рады видеть будут, не сомневайся. Да и Ярославке замуж давно пора.

— Что? — Тур подумал, что ослышался и закашлялся. Мысли он что ли читает?

— А то, — все так же сурово зыркнул на него верховный,

но теперь он стал больше походить на человека, чем на ревностного служителя богов. — Связалась она с неподходящей компанией, с которой ты уже имел радость познакомиться. А я заботиться приставлен и присматривать за ней. Деду ее обещал, перед Велесом поклялся, что не дам бедной сироте пропасть. Она по юности и неразумению все не в ту сторону все смотрела, вот и оказалась замешана в скверную историю. Эти людишки пусть друг друга грызут, а Ярославу я не позволю тронуть. — Верховный помолчал, а потом посмотрел прямо в глаза Туру. — Закончи это дело. Забери Ярославу в столицу или еще куда, а уж мое дело позаботиться, чтобы ты в озере не оказался.

Как там ему говорили? Везде разбойничьи гнезда, и Черноград кишит ими, да еще колдунами в придачу? Интересно, какую управу найдет верховный жрец Велеса на того же Путяту? Или, не дай-то боги, на почтенного Булата, если его сын окажется виновен? А ведь найдет. Недаром про верховного рассказывали, что он умудрился раскрыть какое-то давнее дело и посрамить старого дознавателя.

С такими мыслями Тур направился в отделение, чтобы порадовать сидевшего там Третьяка приглашением на годовщину свадьбы к почтенному купцу. Уж теперь-то черноградец не посмеет спрятаться.

Настроение Люта было под стать празднику — самое что ни на есть развеселое. Даже кошмарные музыканты, пригла-

шенные Томилой, не смогли огорчить его. Радость самой Томилы тоже не знала предела — в их с Распутой дом явилась добрая половина города. Еще бы, ведь здесь обещали подать к столу главного дознавателя, всех подозреваемых, да еще и столичного господаря в качестве главного блюда. Народу было столько, что столы пришлось ставить рядами.

Лют сидел на почетном месте родственника хозяев дома, прихлебывал лучшее пиво и рассматривал гостей.

Вон сурово поедает икру прямой, как палка, верховный жрец Велеса, а недалеко от него беседует с кем-то боярыня Ярослава. В другой стороне мрачно сверкает глазами на жареного лебедя Путята. Главное, чтобы не на Ярославу сверкал, а лебедь переживет. Ворон сидел рядом с воеводами посадниковой и головной дружины и переглядывался с находящейся не на столь почетном месте Баженой. Томила, помнится, морщилась, раздумывая, звать ее или нет, но в конце концов смирилась — всех так всех.

А где же уважаемые сыскных дел мастера? Неужто не явились на столь щедрый пир? Лют заерзал и огляделся. Если Томила узнает, ее настроение будет подпорчено. А нет, все в порядке, сидят, голубчики, рядышком. У Третьяка за ушами трещит от оленины и солений, а вот столичный дознаватель что-то и не ест совсем. Припал к большой кружке и все в сторону жреца Велеса смотрит. Этак он напьется еще быстрее его, Люта. Постой-ка, а на жреца ли он глядит?

Лют еле дождался окончания первой части пира, и когда

гости понемногу стали вставать из-за стола и общаться, сам подошел к верховному жрецу и низко ему поклонился.

— Мое почтение мудрейшему. И мои дорогие родственники, и я очень рады видеть вас, — рассыпался Лют в любезностях.

— От чего же не проведать людей, которым когда-то добро сделал, — огладил жрец бороду. — А ты все с кружкой не расстанешься, молодой воин? Так и заболеть недолго.

Лют смутился.

— Так это ж я за праздник, мудрейший. Моя брательница рада и счастлива, а, значит, и я тоже.

Лют не сильно понимал, что он несет. Он все косился в сторону боярыни Ярославы, пытаясь придумать, как бы и с ней заговорить. Выглядел он наверняка глупо, но выпитые пиво и мед помогали об этом уже не думать.

Верховный жрец неожиданно придвинулся ближе и тронул Люта за локоть.

— Сослужи-ка лучше добрую службу, чем на девок засматриваться, — тихо сказал он, и глаза сурово блеснули из-под густых бровей.

Что за?.. Мысли он что ли читает, или заметил чего? У Люта отнялся язык.

— Попроси родственника своего, почтенного Распуту, ко мне подойти. Да только остерегись, чтобы не заметил кто, — говорил между тем жрец. — Скажи, дело весьма важное.

Лют часто и быстро закивал и поспешил убраться. И что

же задумал мудрейший? При чем тут Распута? Какого лешего здесь вообще происходит? Лют решил взять себя в руки и пить поменьше.

В рукав ему неожиданно вцепилась Томила, вся разодетая и обвешанная драгоценностями. Вид ее не предвещал ничего хорошего.

– Ты чего перед верховным, как шут гороховый, приплясывал? — зашипела Томила.

Лют грустно посмотрел на нее и вздохнул.

– Ну, что еще? — допытывалась брательница.

– Ты так давно хотела, чтобы я нашел себе невесту, вот я и...

Томила вцепилась в него совсем уже мертвой хваткой и потащила в угол. Ее тяжелые височные кольца угрожающе звенели.

– Рассказывай, кто, — потребовала она и отобрала у Люта кружку.

– Боярыня Ярослава, — обреченно сказал он.

И буря не замедлила разразиться. Самое лестное, что Лют услышал о себе, было «тупой баран» и «матушка твоя в обители богов слезы горькие проливает».

– Более неподходящую партию я себе и представить не могла, — закончила Томила, вытирая пот со лба белоснежным платочком. — Не дури, Лют. Она беднее тебя в худшие дни запоя.

– Я так не пью, — попытался возразить оскорбленный

Лют.

– Высокомерия в ней много, а пользы никакой. Будешь до конца дней своих влачить жалкое существование. Да еще и верховный жрец Велеса у нее в покровителях. Думаешь, он ее тебе отдаст?

Услышав это, Люк повесил голову и горестно всхлипнул.

– Боги жестоки ко мне, Томила. Я не могу тягаться ни с Вороном, ни с Путятой, ни идти супротив мудрейшего. Я закончу свои дни в одиночестве и с растерзанным и разбитым сердцем.

Томила поставила кружку на пол, уперла руки в боки и подозрительно посмотрела на него.

– Ты когда успел так набраться? Праздник недавно начался, еще похлебки не выносили. Немедленно иди выпей квасу и сунь голову в ледник. Иначе закончишь ты дни в грязной канаве, и даже крысы будут обходить тебя стороной. Иди!

– Э-э-э... постой, Томила. — После отповеди брательницы в голове Люта немного прояснилось. — Верховный хотел видеть Распуту. И сказал, чтобы незаметно.

Томила прищурилась.

– Позови Распуту, а потом ступай в ледник, — сказала она. — Ох, чую, неспроста это все. Увижу тебя сегодня с пивом или бражкой, женю на самой страшной вдове в городе, так и знай.

Сопровождаемый ужасным родственным проклятием, Лют добрался до Распуты, передал ему слова жреца, и по-

слушно пошел в ледник. По пути на глаза ему попала Бажена, и Лют невольно вздрогнул, представив себя ее мужем.

Охладив голову, Лют почувствовал себя лучше. Ему теперь не так сильно хотелось впасть в ничтожество и заканчивать дни свои в печальном одиночестве. Спустившись в яму за очередной порцией кваса, Лют услышал голоса, и не успел вылезти. В леднике уже кто-то был. И не просто кто-то, а главный дознаватель Третьяк и этот вездесущий столичный гость. И почему так случается, что он, Лют, всегда на них попадает?

— Помните, вы разрешили мне вызвать великокняжескую дружину? — говорил господарь Тур. — Так вот, время, похоже, настало.

— У вас есть новые сведения? — Третьяк говорил медленно и осторожно.

— Достаточные, чтобы схватить вашего Путяту.

— Он точно не мой, — Лют почему-то подумал, что Третьяк поморщился. — И извольте объясниться и не пороть горячку.

— Путята влюблен в боярыню Ярославу, — отрывисто бросил Тур. — И не просто — а до того, что истоптал порог этого дома, стараясь уговорить купца Распуту помочь ему.

— Вот как? — тускло спросил Третьяк.

— Мы только недавно говорили, что у Путяты нет мотива. Теперь он есть.

— Многие молодые и не очень люди влюблены в кого-то,

но не убивают из-за этого, — возразил Третьяк. — К тому же, согласно вашей версии, убивать должен был Ворон.

— Путята придумал сложный план, по которому Ворон бы выходил убийцей собственной жены. И Ярослава перестала бы думать о нем.

— Опять эти ваши душевные мысли, — вздохнул Третьяк. — За ними вы не видите, что убийцей с равным успехом могла быть и боярыня Ярослава. Она имела возможность взять кистень у Путяты, прийти к Чернаве и ударить ее. Таким образом, она приобретала богатого жениха и избавлялась от назойливого и опасного поклонника.

Ох, ты, а ведь Третьяк не промах, вон как загнул, подумал Лют. Сквозь очарование прекрасной боярыней, он понимал, что тот мог быть прав. И когда же наконец эти двое уйдут хлебать супы, у него уже зуб на зуб не попадает?

— Вы действительно из двух подозреваемых выбрали бы Ярославу, а не Путяту? — спросил Тур.

— В начале работы меня много раз предупреждали об одной опасности, — сказал Третьяк. — О предвзятости. И сейчас вы предвзяты, господарь Тур Светозарович. Я не выгораживаю Путяту и не делаю из него честного и благородного человека. Но и Ворон, и боярыня Ярослава так же, как и он, могли совершить это преступление. В нашей работе необходимо иметь холодную голову, иначе может беда случиться. Лучше встретимся завтра в отделении и спокойно обсудим все версии с учетом новых сведений. А сейчас будем продол-

жать веселиться. Еда тут выше всяких похвал, да и хозяева хорошие.

Когда неожиданные гости ушли, Лют выбрался из ямы, допил квас и призадумался. У дознавателей нашла коса на камень. Каждый стоял на своем и, похоже, не собирался уступать. Лют чувствовал, что необходимо что-то делать, с кем-то посоветоваться. С мудрейшим жрецом? Он покровитель Ярославы и не позволит ее взять за убийство. Или пойти сразу к столичному дознавателю? А если Ярослава, не дай-то боги, виновна? Или столичный господарь догадается о его, Люта, «предвзятом отношении» к красивой боярыне? Позору не оберешься, да еще и прибить могут.

В зале веселье шло полным ходом, плескаясь во множестве видов горячей ухи. Лют прокрался на свое место и смиренно стал есть суп, запивая его водой и искоса поглядывая на Томилу. Рядом разговаривал Третьяк с каким-то тощим человеком, и Лют решил закончить с ухой и присоединиться к ним. Так было безопаснее, свой дознаватель все-таки не столичный. И в Ярославу он не влюблен.

— Это главный по нашему театру, господарь Всеволод Младович, — сказал Третьяк. — Он занимается обновлением представлений.

— Да, да, — заговорил тот, чуть кивнув Люту как родственнику хозяев праздника. — Я хочу, чтобы жители нашего города получали истинное удовольствие от походов в мое заведение. И поэтому я выписал из столицы...

Лют улыбался через силу и кивал. Господарь Всеволод на удивление талантливо неинтересно рассказывал о своей работе. Но Третьяк зачем-то слушал его, и слушал внимательно. А Люту было неловко уйти.

— И я знал нашу несчастную Чернаву еще до замужества. Мы все были опечалены ее кончиной. — Господарь Всеволод сделал подобающую случаю мину, а дознаватель Третьяк постарался превзойти его в скорби.

— Да, так грустно, когда уходят талантливые люди. Не волнуйтесь, я найду того, кто это сделал, и злодей ответит за все.

— Да у нас и так все знают, кто, — моргнул Всеволод. — Муж.

Третьяк быстро обернулся. Лют тоже проверил, нет ли поблизости Ворона.

— Как вы понимаете, господарь, мы не можем просто так обвинить человека, — примирительно сказал Третьяк. — Но если у вас есть сведения, доказывающие его вину, то я вас выслушаю.

— Не любил Чернаву муж, у нас все об этом знали, — прямо сказал Всеволод. — Непонятно, зачем вообще на ней женился. А она-то как рада была, даже сцену оставила ради него. Я был огорчен не меньше всей труппы. А потом стали разговоры ходить. Кое-кто из музыкантов и актеров продолжали иногда общаться с Чернавой. Несчастлива она была, изменял ей муж и ни во грош не ставил. Бедняжка и в храмы ходила, и к колдунам обращалась. Но ничего не помога-

ло. Дошло до того, что она с любовницей мужа стала дружбу водить. Вот стыд и срам какой. Вроде бы любовница эта называлась другом семьи и помогала Чернаве любовь мужа вернуть. Кто бы такое рассказал, не поверил бы, но наши из группы обманывать не станут.

— То есть Чернава дружила с женщиной, с которой ей изменял муж? — уточнил Третьяк.

— Вот именно. Я как-то посетил Чернаву и указал ей, что это неправильно. А она, бедняжка, заплакала горько. Говорит, ради мужа на все пойдет. И вроде бы нашли они с этой женщиной... вон она, кстати, сидит, полюбуйтесь, ни стыда, ни совести, — Всеволод указал в сторону Бажены. — Нашли они какое-то средство, чтобы мужа Чернаве вернуть. То ли заговор какой-то, то ли обряд, я так и не узнал. Но Чернава была уверена, что это поможет.

— И наверняка это было незадолго до убийства, — тихо буркнул Лют, но его услышали.

— Вы полагаете, молодой человек, что здесь есть связь? — поднял брови Третьяк.

— Не знаю, — недовольно почесал макушку Лют. — Может, они тоже к змею ходили и у него колдовства выпрашивали.

— Куда?

Пока Лют потчевал Третьяка и господаря Всеволода историей о змее, появился столичный дознаватель и встал чуть поодаль. Господарь Тур был хмур и бледен. Чувствовалось,

что он совершенно чужой на этом празднике.

— Вот я и подумал, — закончил Лют. — Ежели змей никого не пожирает, то к нему можно пойти и сторговаться насчет помощи. Мой родственник Распута совестливый человек, противных делишек не будет проворачивать. А змею-то все равно.

Оба дознавателя молчали, а господарь Всеволод вертел головой, переводя взгляд с одного на другого.

— Так все равно ничего не удалось, Чернава погибла. А такая девушка была, так на гусях играла, любо-дорого, заслушаешься.

Лют только успел заметить, как господарь Тур свел брови, а Третьяк открыл рот, чтобы ответить Всеволоду. В то же мгновение столичного дознавателя и след простыл. Даже не попрощался.

— Молодость, молодость, — покачал головой Третьяк. — Надеюсь, играла Чернава все-таки лучше сегодняшних музыкантов.

С трудом спасшись от занудного господаря Всеволода, Лют прихватил с собой немного меда и решил выпить его, спрятавшись от Томилы в кабинете Распуты. Однако хозяин кабинета уже находился тут. Он сидел за столом и пристально смотрел на что-то перед собой.

— Подойди Лют, — позвал хозяин испуганного родственника. — Допей и поставь кружку. Я не скажу Томиле. Тут, значит, такое дело сложное.

Лют одним глотком опустошил кружку и увидел, что перед Распутой лежит несколько опаленных перьев на тряпице.

— Господарь Тур дал их мне и, значит, попросил посмотреть, нет ли тут какого колдовства.

«Опять этот столичный дознаватель, везде пролезет», — подумал Лют.

— Так вот, значит, смотрю я, смотрю, и ничего не вижу в этих перьях, — развел руками Распута.

— Может, и нет в них ничего, — предположил Лют.

— Это с места преступления. Господарь Тур решил, что без колдовства не обошлось. Взгляни-ка.

Лют наклонился, всмотрелся и фыркнул.

— Наш столичный гость принял за страшную вещь остатки оперения стрелы.

— Стрелы? — вскинул на него глаза Распута.

— Ну да. Обычное дело, вся дружина такие использует.

— Вот оно как, значит... — протянул Распута. — Да уж, перемудрил господарь Тур.

Лют от неожиданно пришедшей ему в голову мысли даже открыл рот и забыл его закрыть.

— Стрела... Кикиморы болотные, я прав был! Ворона это стрела, он и душегуб получается.

— Не стрела, а остатки оперения, — почесал лоб Распута. — От самой стрелы ничего не осталось. И, значит, она могла быть заговоренная.

— Как это?

– Одно из условий заговора на вещь. Например, кольцо, или гребешок, или оружие какое, чем человек постоянно пользуется. Она стрелу, значит, притягивает, а сама стрела после попадания вспыхивает и мигом сгорает. Это часто используют влюбленные на Купалину ночь.

– Наверное, придется идти в отделение к дознавателю, — сказал Лют.

– Завтра поглядим. А пока я, значит, еще поговорю с верховным жрецом Велеса. Он тут всю эту кашу на нашем празднике заварил.

Этот может.

– В письме из столицы говорится, что я обязан оказать вам посильное содействие. Но как я смогу это сделать, если вы молчите?

Третьяк ходил по кабинету из угла в угол, как волк по клетке. На стуле перед ним сидел господарь Тур. Он мял в руках шапку, светлые волосы были растрепаны, а под глазами ясно обозначились синяки.

– Я предупреждал вас. Несколько раз предупреждал, — продолжал Третьяк, несмотря на то что ответа от собеседника так и не дождался. — В нашем деле нужно быть осторожным и иметь холодную голову. Чуть посмотришь в сторону и ослабишь вожжи — так тебя или сожрут, или сам утонешь. Чему вас в вашей столице только учили? — сквозь зубы прошептал черноградский дознаватель последнюю фразу, подо-

шел к приоткрытой двери и крикнул в коридор. — Главного писаря сюда. И поживее!

Господарь Тур резко поднял голову.

— Я нашел свидетелей и вещи, которые ваше отделение упустило в прошлое расследование, — упрямо сказал он.

Третьяк уперся ладонями в стол, нависая над ним.

— А еще необоснованно обвинили одну из значимых фигур города, вмешали сюда титулованную дворянку, верховного жреца самого почитаемого храма и семью богатого купца. И все это с шумом, грохотом и на большом празднике. Прямо бык в гончарной лавке.

— Это ваш Путята значимая фигура? — сквозь зубы процедил Тур.

— И ваша, извините покорно за грубость, боярыня Ярослава тоже вместе со своим могущественным покровителем, — парировал Третьяк. — Вот подаст Путята или Ворон голове жалобу, тот отправит ее посаднику, а там и до столицы недалеко. Что, мол, посланник ваш мутит воду в городе да людей почтенных тревожит, а поручение свое, между тем, так и не исполнил. И поедете вы обратно представлять пред очи главного дознавателя столицы, а то и самого великого князя. Зависит от длины рук уважаемого Булата. Который будет сильно, очень сильно недоволен.

— Не пугайте меня. Я справлюсь с этим делом, — выдохнул Тур. — Я просто очень устал за прошлый день и ночь.

Третьяк открыл рот для следующей отповеди, но его пре-

рвал появившийся писарь.

— Поддай-ка, голубчик, последние записи допросов, — приказал Третьяк.

Господарь Тур смотрел, как дознаватель быстро читает, иногда шевеля губами. Третьяк пару раз кивнул сам себе, вернул бумаги писарю и выставил прочь, не забыв проверить, не задержался ли тот под дверью.

— Так. Начнем с самого простого. Зачем вы затеяли повторный обыск дома Ворона да еще и рано утром?

— Я искал гусли, — на удивление покорно ответил Тур.

— И за каким лешим они вам понадобились? — миролюбиво спросил Третьяк, хотя внутри него все снова заклокотало от гнева. — Никто о них и не упоминал, кроме господаря Всеволода. Если бы Черनावу стукнули ее же гуслиями, мы бы давно об этом знали. И потом — как вы себе это представляете — убийца проникает в дом, ищет по всем комнатам гусли и только потом набрасывается на хозяйку?

— Нет. Потому что все было совсем не так.

Третьяк поднял бровь.

— Тогда скажите, как оно, по-вашему, было?

— Убийцу пустила хозяйка. Если он вообще приходил. В любом случае она его знала, потому как это кто-то из наших подозреваемых. Я отдал купцу Распуте те перья, чтобы он узнал, имело ли там место колдовство. Жрец Велеса тоже склоняется к этой версии. А когда я услышал историю про змея... — Тур резко прервал свою и без того путаную речь.

– Вы решили, что Путята, ну, или Ворон, обратились к нему за погибельным колдовством, — закончил за него Третьяк.

– Да, — неохотно сказал Тур. — Распута упоминал, что для колдовства против человека нужна его личная вещь. А гусли... Путята, или сам Ворон, или Яр... — По лицу Тура прошла мучительная гримаса, он не закончил фразу и начал новую. — Убийца унес гусли, с помощью змея наложил на них заклятие, и оно погубило Чернаву. Все показания свидетелей, кто и где находился в ту ночь, в этом случае будут недействительны. Душегубу надо было только вернуть гусли Чернаве и ждать. Я нашел гусли в доме Ворона и хотел показать их тому самому змею. Весь день его искал, только ночью нашел.

Третьяк присел за стол, подпер кулаками подбородок и ласково посмотрел на столичного дознавателя, совсем как на душевнобольного.

– Вы ему и бумагу прийти в отделение вручили? Я уж не знаю, попадает ли змей под наши законы.

– Говорят, что змей посильнее колдунов будет. А раз его нельзя вызвать на допрос, да и вообще о нем в городе мало кто знает, так, значит, убийце и опасаться нечего.

Третьяк хотел в очередной раз высмеять столичного мальчишку, но что-то в его рассуждениях обеспокоило черноградца.

– В таком случае, необходимо узнать, можно ли убить с

помощью колдовства и не оставить следов. За все время работы в отделении я ни разу не слышал, чтобы убивали подобным образом. Конечно, могут огороды с садами попортить, но чтобы вот так... Хотя я в ведуньих делах плохо разбираюсь. Вы говорили с верховным жрецом Велеса о змее? — спросил Третьяк.

— Пока не успел. Змей сказал, что почти не вмешивается в людские дела. Иногда забредают к нему с просьбами в любви помочь или удачу приманить. Он им, бывает, и помогает за плату. Неравнодушен он ко всяким редким драгоценностям. Но за убийственным колдовством к нему не обращались.

— Так, так, — Третьяк забарабанил пальцами по столу. — И как я должен теперь оформлять бумаги? Вы же писаря с собой не брали?

— Я был не уверен, что меня-то не съедят. А кормить кем-то еще я его не собирался.

Третьяк со вздохом покачал головой.

— Это или исключительная храбрость, или бесконечная глупость.

— Вы были когда-нибудь молоды? — неожиданно спросил Тур.

— Теперь я понял, зачем вы к змею потащились, — Третьяк вложил в голос всю дозу яда, на который был способен.

Тур отвернулся.

— Я стараюсь быть непредвзятым, как вы и советовали. Но жду того же от вас. Не следует рассматривать каждую мою

версию, как сны умалишенного.

Третьяк вдруг ощутил вину. В самом деле, он тоже не совсем ровно относился к столичному гостю. Считал того ничемным юнцом, к тому же растерявшим от любви к бедной боярыне последние остатки мозгов. А он к змею пойти не побоялся. К которому в прошлый раз дружиной ходили и двумя жрецами. Может, господарь Тур не так уж и безнадежен? Если бы он еще не злил людей, подобных Путяте, и не вмешивал в дела отделения служителей культов.

Третьяк перевел дух. В любом случае версия об убийстве колдовством пока имела место быть. Если не змей помог душегубу, то, значит, кто-то из городских колдунов. Но это же опасный свидетель. Убийца мог запаниковать и тоже убрать его с дороги. Х-м-м... Надо бы узнать, не пропал ли кто-нибудь из ведунов за прошедший год, про кого не заявили родственники и знакомые. Тут что у Путяты, что у Ворона есть все возможности замести следы. И боярыня Ярослава могла уговорить своего могущественного покровителя помочь ей. То-то он теперь сует свой чересчур мудрый жреческий нос в дела отделения, в очередной раз, кстати.

Третьяк принялся излагать эти свои соображения Туру, когда их неожиданно прервали. Время было довольно раннее, поэтому оба дознавателя удивились, когда в комнату зашел купец Распута с родственником. За ними бежал служащий отделения и, путаясь в полах мятого зипуна, вопил, что без позволения здесь находиться не положено.

Третьяк махнул рукой на подчиненного.

— Оставь. Раз пришли, значит, по делу. А теперь вон отсюда, и дверь закрой. Таскаются тут в непотребном виде.

— По важному делу, — кивнул Распута. — Иначе стали бы мы, значит, почтенных дознавателей в такое время тревожить. А на людей не ругайтесь — жарко тут, вот он кафтан и скинул.

Распута положил на стол сверток и развернул его.

— Перья. Те самые, — озадаченно произнес Третьяк.

Господарь Тур настороженно переводил взгляд с черноморского дознавателя на неожиданных гостей.

Лют сразу решил не обращать внимания на столичного гостя, а на вопросы отвечать знакомому и почти родному дознавателю Третьяку. Не то чтобы господарь Тур вызывал чувство неприязни, но какой-то червячок продолжал точить Люта изнутри. А виновата во всем была, конечно же, боярыня Ярослава.

— Прямо наваждение какое-то, — говорил Люту Распута. — С ума вы что ли все походили с этой девицей?

Сейчас, в отделении, Лют собрался и постарался сосредоточиться на деле.

— У нас есть важные сведения для уважаемых дознавателей, — говорил Распута. — Господарь Тур Светозарович поручил мне выяснить, что это, значит, за перья такие. И вот Лют, мой родственник, утверждает — это остатки оперения

стрелы. Причем стрелы эти в дружинах используют, что у головы, что у посадника.

— Ворон... — задумчиво сказал Третьяк.

На лице Тура тоже не было заметно удивления. Он посмотрел на Люта.

— Вы уверены?

А Лют, взглянув на Третьяка, ответил:

— Ага. Мы все такими пользуемся.

— Ее мог взять тот, кто с Вороном общался, — заметил Третьяк, почему-то отводя глаз от Тура.

Столичный дознаватель скривился.

— Несомненно, — буркнул он. — Вы и тут усмотрели возможность вины Ярославы. Но если бы у Путяты был план подставить Ворона, то украсть у него стрелу и оставить на месте убийства, это самое лучшее, что он мог сделать.

Похоже, дознаватели так и не пришли к единому мнению. Третьяк считал, что боярыня Ярослава прикончила соперницу, а Тур упорно придерживался версии, что душегуб — Путята.

— Кстати, насчет Путяты... — начал Лют, а потом, спохватившись, посмотрел на Распуту. — Можно я расскажу?

Родственник кивнул.

— Он согласился помогать расследованию. И не против вызова в отделение и повторного разговора.

Лют с удовольствием увидел, как оба дознавателя чуть приоткрыли рты.

— И он не будет угрожать расправой и посылать всех на встречу с навьими тварями? — спросил Тур.

Третьяк поморщился.

— Ладно вам, господарь, не угрожал он нам.

— Напрямую нет, — возразил Тур и посмотрел на Распуту.

— Что вы с ним сделали?

Лют прокашлялся. В этом-то деле ему было чем похвалиться. Он уже открыл рот, но дверь с грохотом распахнулась, и в комнату стремительным и яростным вихрем влетела Томила. На подоле ее развевающегося платья висел испуганный служащий, все в том же зипуне, и вопил свое «не положено». Томила остановилась перед Третьяком и уперла руки в боки. Лют понял, что сейчас случится ужасное.

— Да что ж это такое творится, люди добрые? Что происходит на свете белом? Я просыпаюсь, а мне слуги говорят, что мой муж в отделении! Где ж это видано — на рассвете хватать человека и тащить его на допросы?! — Томила топнула ногой, и вопящий служащий отлетел к стене. — Знайте, я этого не потерплю, я буду жаловаться, и до великого князя дойду, если надо будет. И вы... — она свирепо посмотрела на Тура, — мне не мешаете! Развели тут свои порядки, в нашем тихом приличном городе! Распута, с тобой все хорошо? — совсем другим тоном спросила она. — А Лют что с тобой делает? Ох, беда. Всю мою семью притащили, нелюди! — снова завопила Томила.

— Может, позвать лекаря или жрецов? — тихо и ошелом-

ленно спросил Тур.

— Что? Это вам лекарь понадобится, если сейчас же не отпустите моего мужа и брата!

— Э-э-э... Томила, все в порядке, мы сами пришли, — чудом успел вставить Лют, пытаясь поймать разъяренную брательницу за локоть.

— Дорогая, со мной все хорошо, — в один голос с ним говорил Распута. — Ну, неужели ты веришь, что меня можно так вот просто привести в отделение? — И он обезоруживающе улыбнулся.

Лют заметил, что Третьяк прикусил губу и поспешил выставить служащего, прибежавшего за Томилой, за дверь.

Брательница тем временем немного утихла и опустилась на предложенный ей стул. Она взяла лежащие там бумаги и принялась ими обмахиваться.

В комнате становилось душно, самим уже впору до зипунов раздеваться, а то и до рубах. Особенно тяжело, наверно, было Туру, в его красивом кафтанчике.

Третьяк поднес Томиле чашку с водой.

— Ну-ну, нельзя же так волноваться. Все в порядке. Уважаемый Лют только-только хотел рассказать нам историю. Если хотите, можете остаться и послушать.

Томила зыркнула на него недобрый глазом, но воду выпила.

— Дело в том, что в кабаке я услышал от друзей... — начал Лют.

— Ты ухитрился уже и там побывать? — сердито прервала его Томила.

— Надо же было повидаться с друзьями, отпуск-то у меня заканчивается, — оправдывался Лют. Он заметил, что господарь Тур усмехается, но, может, это была просто игра света и его, Люта, предвзятое отношение к столичному гостю. — И узнал я, что Путята собирается отучить и верховного жреца Велеса, и господаря Тура лезть в свои дела. Вроде бы замыслил он злодейство невероятное. Сделать так, чтобы они больше света белого не увидели. — Лют подражал голосу Житко, когда тот рассказывал страшные истории. — Поговаривали, что уже и мешок покрепче приготовил, один на двоих.

— Ох, страсти какие, — всплеснула руками Томила. — Да как же можно бога человека в мешок сажать?!

— А меня, значит, можно, — тихо проговорил Тур.

— Да перестаньте, — сказал Третьяк. — Никто мудрейшего не тронет, к нему не подберешься незаметно.

Тур заинтересованно поднял брови, но промолчал.

— И я немедленно пошел к Распуте, чтобы посоветоваться, — продолжал Лют, оставив ужасающий тон. — Вдвоем мы направились к Путяте, надеясь отговорить его и договориться. И нам это удалось.

— Просто колдовство какое-то, — улыбнулся Третьяк. Распута крикнул и тоже усмехнулся. — Что вы ему пообещали? Надеюсь, не мою голову?

— Всего лишь крепкое отворотное зелье, — сказал Распутта. — И не за его счет. В подарок, значит.

Тур вскочил со стула, но тут же спохватился и сел обратно.

— Спасибо вам, — глухо сказал он.

Лют незаметно вздохнул. Своими же руками он разрушил собственное счастье. Не дал Путяте пустить на корм рыбам соперника и заодно могущественного покровителя прекрасной девы. А если бы еще Ворона схватили за убийство... Нет, какие все-таки недостойные мысли гнездятся в его, Люта, голове.

— Все это очень мило, но круг подозреваемых ничуть не сузился, — кашлянул Третьяк. — Надо вызвать Путятю, прояснить у него про кистень, а потом действовать по уже намеченному мной плану.

— Про кистень я уже узнал, — вмешался Лют. — Путятта сказал, что пропал он у него. А украли, или потерял, не помнит. Кистень был целый и никем не заговоренный.

— Да? Хм... — задумался Третьяк.

— Путятта мог солгать, — подал голос Тур.

— Ладно вам, — рассердился Лют. И вечно этот разряженный все переворачивает и подвергает сомнениями его, Люта, добытые сведения. — С чего бы? Считаете, если он топит людей в мешках, то и врет на каждом шагу?

— И то этого никто никогда не видел, — вмешался Распутта, заботливо державший Томилу за ручку. — Слухи, значит, и

побасенки одни.

— Тем более, — поддакнул Лют.

— Он все-таки почтенный житель нашего города, — поджала губы Томила.

— Думаю, наши дорогие гости могут идти домой, — громко сказал Третьяк. — Завтра вызовем в отделение всех подозреваемых и допросим одновременно. Посмотрим, что они будут говорить друг перед другом.

— Интересный метод, — сказал Тур. — Последний раз в столице он только запутал дело.

— Так то в столице, — брякнул Лют и осекся.

Брови господаря Тура, уже не скрываясь под вежливой маской, сошлись на переносице.

— Конечно, почтенный Третьяк здесь главный, как я могу противиться его решению. — В его голосе послышались ядовитые нотки.

— Если вы до завтра не найдете убийцу, то я делаю, как сказал, — улыбнулся Третьяк. — Думаю, тянуть с этим делом дальше уже некуда. Того и гляди кто-нибудь искупается в озере.

И он рассмеялся собственной мрачной шутке.

Выходя из отделения с Томилой и Распутой, Лют думал о столичном дознавателе. Нехорошо с ним обошлись. То Третьяк над ним подтрунивал, то Томила кричала. Да и он, Лют, тоже хорош — из ревности чуть не пожалел, что сделал доброе дело и спас молодому господарю жизнь. Неизвестно, со-

бирался ли Путята изловить велесова верховного жреца, а вот заезжим дознавателем точно бы рыб накормил. А уж если окажется, что душегуб все-таки Ворон, так почтенный Булат полстолицы от горя разнесет. И Туру наверняка достанется за излишнее рвение. Но коли убийцей станется боярыня Ярослава, господарю тоже будет плохо. И ему, Люту, неприятно. Нет, тут, как ни крути, всем выгодно, чтобы виновен был Путята. Или та же Бажена... Лют представил, как Путята, запрятав подальше свои счетные бумаги, крадется ночью по городу, сжимая в руках кистень.

— Распута, — позвал Лют родственника, — а можно ли с помощью обычного приворота убить человека?

Распута от удивления остановился, Томила стукнулась носом о его затылок и ойкнула.

— Чтобы от сильной присухи умер? Я слышал, что такое бывает, если перестараться. Да только, значит, это совсем глупым и дурным человеком надо быть. Я таких ошибок не совершаю.

— Нет, не от присухи, — покачал головой Лют и сдвинул шапку на бок, в раздумье почесывая голову. — Как бы растолковать-то? Я в колдовстве-ведовстве ничего не смыслю, но вот в обычной стороне дела... Предположим... хотя бы Ворон в кабаке у Путяты уносит его кистень. Идет к змею или еще к кому и накладывает на оружие сильный приворотный заговор. Потом прячет кистень в своем доме, берет стрелу и... кикиморы болотные, не получается что-то.

— Я понял тебя, — медленно произнес Распута. — Недаром, значит, ты человек военный, мне бы подобное и в голову не пришло. Вот скверные людишки на свете живут, если до такого додумались.

— Кто-то заговорил вещь, чтобы она убила? — вмешалась Томила. — Ну, тут без ревности и злобы явно не обошлось. Помню, как мы давно с девушками венки по озеру на Купалину ночь пускали. А некоторые колечки и височные кольца заговаривали на суженых. И если стрела, не дай-то боги, не находила свое колечко, то столько криков и ругани было.

Распута странно посмотрел на жену, потом на Люта.

— Вот что, значит, — сказал он. — Проводи Томилу до дома, а я пойду до храма Велеса. Буду просить мудрейшего о содействии.

— Что с тобой, дорогой? — обеспокоенно спросила Томила.

— Большое злодейство у нас тут творится, — ответил Распута. — И я молю всех богов, чтобы не оказаться поневоле к этому причастным.

— Ты вспомнил, что к тебе приходил... — изумленно выдохнул Лют, — кто?

— Не совсем. Но работал я и с кольцами, и с другими украшениями. Я должен помочь разоблачить и наказать этого негодяя. А мудрейший жрец в силах помочь мне.

— Если что-то случится, ты позовешь нас? — с тревогой спросила Томила, и Лют заметил на ее лбу морщинку. Бес-

покоится брательница за мужа. Вон как кинулась в отделение спасать его. Да и самого Люта тоже. Храбрая она на самом деле. И, ежели что не так, самого Путятю в его же мешок засунет и плавать отправит.

— Как не позвать, — ответил Распута. — Вы ж меня на мысль навели.

Лют собирался узнать, что именно понял родственник, но тот махнул рукой и быстро пошел по улице, ведущей к храму Велеса. Озадаченные Лют и Томила долго стояли и смотрели ему в след.

На следующий день Тур появился в отделении последним. Все подозреваемые были уже на месте. Судя по всему, запуганные довольным собой дознавателем Третьяком. Впрочем, выглядели они бодро, особенно Путятя, который, осматривая окружающую обстановку, презрительно кривил рот. «Родственник самого великого князя, не иначе, — с усмешкой подумал Тур. — Во дворце родился». Ворон сидел неподвижно, уставившись в пол. Вдова Бажена вертелась на месте, тяжело вздыхая, похоже, страдала от жары. Неудивительно, если надеть столько слоев одежды. За отдельным столом восседали два писаря, усердно копошащиеся в бумагах.

Тур нашел взглядом Ярославу и чуть улыбнулся ей. Боярыня немного наклонила голову и улыбнулась в ответ уголком рта. Тур почувствовал, как на душе становится светло

и радостно, но не успел насладиться чувствами. В дверь постучали, а потом и зашли верховный жрец Велеса и купец Распута. Причем зашли с невозмутимыми лицами и также невозмутимо расселись на свободной скамье, стоящей в стороне от основных действующих лиц. Тур поприветствовал мудрейшего и как можно вежливее и тише обратился к Третьяку:

– Что они здесь делают?

Не то, чтобы Тур был не рад видеть почтенного купца и не менее почтенного жреца, однако именно сегодня они могли помешать задумке столичного дознавателя.

– Все в интересах дела, государь, — с улыбкой ответил Третьяк. — У них важные сведения. Не исключено, что мудрейший жрец обнаружил убийцу раньше вас... то есть нас. Хе-хе... Ему не впервой.

– Вот как. Тогда, думаю, мой свидетель тоже здесь не помешает.

Тур с удовольствием увидел, как в сытых и довольных глазах Третьяка появилось беспокойство.

– Какой еще свидетель? Мне не докладывали.

– Он появился неожиданно. У него тоже очень важные сведения. И, кстати, я знаю, кто убийца.

Оставив растревоженного Третьяка, Тур сел на свое место. Внешне он был спокоен и старался улыбаться почти так же гаденько, как Третьяк, но это было непросто. Проблема господаря Тура заключалась в том, что он знал, кто душегуб,

но у него не было доказательств.

Третьяк прокашлялся.

– Итак, уважаемые жители нашего славного города. Причина, по которой я был вынужден вызвать вас сюда, известна всем. Она печальна, поэтому чем быстрее мы со всем покончим, тем будет лучше для всех. Ворон Булатов сын, Бажен Морозова вдова, Путята Воянов сын, сударыня Ярослава Мирославовна. У вас у всех был мотив и возможность убить Чернаву Воронову жену летом прошлого года. Сегодня я бы хотел услышать вновь о ваших действиях в ночь убийства.

Все замерли в ожидании. Только Путята продолжал кричиться. Дверь снова открылась, впустив еще одного гостя. Тур с облегчением вздохнул — все-таки пришел. Человек был богато и нарядно одет и высок ростом. Все в нем выдавало путешественника или уроженца чужих мест.

– Проходите, пожалуйста, — сказал Тур. — Этой и есть мой свидетель, почтенный Баян. Приехал издалека.

– М-м-м... присядьте пока там.

Третьяк не растерялся и указал на стул, стоящий рядом с Распутой и жрецом. Писари покосились на чужака, меланхолично пожевывая кончики перьев. Что-то в них казалось странным, но Туру некогда было над этим думать. Он тихо скрипнул зубами. Да нет, не может же черноградский дознаватель знать о его замыслах. Сам наверняка что-нибудь задумал, недаром здесь такие «свидетели» восседают и целых два писаря.

Столичный дознаватель внимательно посмотрел на Распуту и жреца Велеса, но пока ничего особенного не заметил.

— Что ж, продолжим, — сказал Третьяк и потер руки. — Начнем с вас, уважаемый Ворон.

Писари заскрипели перьями.

Господарь Тур в который раз убедился в бессмысленности нелепого собрания, устроенного Третьяком.

Свидетели долго и нудно, запинаясь, повторяли одно и то же в который раз. Интерес вызывал только Путята, поскольку его алиби годичной давности Тур читал только на бумагах. Но и в болтовне кабатчика ничего нового не обнаружилось.

Что хотел здесь услышать Третьяк? Или он задумал потом перечитать записи и найти в них какие-то нестыковки? Так судя по писарям, умудряющимся во время работы еще и зыркать по сторонам, нестыковкам удивляться и не придется. Слушая мелодичный голос Ярославы, Тур не заметил, как он сменился неспешным басом верховного жреца Велеса.

— ... знал я, что ничего хорошего это не сулит. И ежели можно меня обвинить во вмешательстве не в свои дела, так это только из-за нужды великой.

Боги великие, о чем он говорит? Мысли Тура в панике заметались в только недавно так сладко задремавшем мозге. И хуже всего было то, что Третьяк повернулся к нему.

— Господарь Тур, а вы что скажете?

— Кхм... хм-м... — прокашлялся Тур. — Думаю...э-э-э... мудрейший жрец прав.

— Что вы тут растекаетесь мыслью по древу? — неожиданно спас Тура Путята. — Говорите, кто убийца, хватайте его, а остальных отпускайте. У меня, в отличие от некоторых, дел много.

— Вашим делам сидение здесь пойдет на пользу, — сурово посмотрел на Путяту жрец Велеса. — Не освободитесь от подозрений, так люди со временем начнут обходить ваши заведения стороной. Или не прав я?

Во внезапно наступившей тишине стало слышно, как Путята со свистом втянул сквозь зубы воздух.

«А ведь недаром он мудрейший, — подумал Тур. — Прав он, как никто. Если убийцу не найдут, не только Ворону худо будет, но и всем остальным. Надо решаться».

— Долг обязывает меня просить уважаемого главного дознавателя на время предоставить слово мне и купцу Распуте, — говорил между тем жрец.

— Я уверен, ваша помощь будет ценной, мудрейший, — сказал Третьяк.

Тур заметил, что тот снова улыбается. Свалил всю работу на служителя культа и колдуна и теперь радуется. Впрочем, Тур справедливости ради отметил про себя, что и сам без помощи не обошелся. Только вот надо подгадать момент с представлением этой самой помощи. А если так и дальше пойдет, то Третьяк с сообщниками пожнет все лавры.

— У меня, значит, всего один вопрос есть. — Распута встал с места и обвел глазами собрание. — Кто из женщин зачаро-

вывал у меня кольцо? Дело давнее, запомнил я.

Внезапно. Все вздрогнули и посмотрели друг на друга. Мужчины недоуменно, а вот Бажена и Ярослава с явной тревогой.

— Все эти, значит, алиби ничего не стоят, уважаемый главный дознаватель, — продолжал Распута. — Потому что душегубу не надо было никуда выходить, чтобы убить. Он использовал заговоренный предмет. Скорее всего, кольцо. Так что — никто сам не признается?

Тур почувствовал, что собрание не на шутку взволновалось.

— Покажите нам кистень, — повернулся Распута к Третьяку.

Дознаватель откинул с кучки предметов, лежащих перед ним на столе, полотно. И у Тура возникло подозрение, что перед ним разыгрывается спектакль, который коварный Третьяк с помощью помощников продумал заранее.

Черноградский дознаватель поднял головку кистеня за обрывок цепи и покачал ею.

Путята издал нервный смешок.

— Только не начинайте заново. Я не знаю, кто у меня его украл и когда.

— Но вы хотя бы знаете, что не пользуетесь оружием из золота. Да, да, вот это звено сделано из золота, — довольно сказал Третьяк. — Никто бы не додумался.

— Вот оно, значит, колечко-то, — произнес Распута. — И

душегуб наш, как и оно, находится здесь, в этой комнате. — И он, прищурившись, посмотрел на каждого подозреваемого.

— Спокойно, спокойно, — Третьяк умиротворяющим жестом остановил вскочивших людей.

Тур прекрасно понимал почтенное собрание. У него у самого сердце подпрыгнуло и чуть не ушло в пятки. Писари перестали считать мух, поднялись из-за стола и положили на него оружие. Через зловеще скрипнувшую дверь зашли еще двое молодцов и стали у стены.

— Что вы себе позволяете? — вскинулся Ворон. — Вы не можете насильно задержать нас здесь. Я подам жалобы на бесчинство и самоуправство!

Путята глянул на него и насмешливо фыркнул. Бажена встала рядом с Вороном, словно хотела спрятаться за него. Ярослава вопросительно посмотрела на жреца Велеса, а потом спокойно опустила на место и принялась расправлять складки платья.

— Все хорошо, это всего лишь охрана мудрейшего, — примирительно сказал Третьяк.

Ну, конечно. Недоумение Тура переходило в злость. В черноградском спектакле для столичного дознавателя не нашлось прописанной роли. Ох, и хитер Третьяк оказался, только вид дурашливый на себя напускал! Попробуй, нажалуйся на храмовых воинов. Да еще и слуг самого верховного жреца Велеса. Ворон может хоть до хрипоты теперь отстаи-

вать свои права, никто и ухом не поведет. Мудрейший человек уже не молодой, мало ли, зачем с собой охрану таскает.

— Сударыня боярыня, — обратился к Ярославе Третьяк. — Замужество с Вороном и арест Путяты за убийство Чернавы спасали ваше положение. У Ворона вы могли взять стрелу, а у Путяты кистень, и с их помощью погубить соперницу. Ваш титул и могущественный покровитель делали вас почти неуязвимой. Вы достаточно умны, чтобы придумать и осуществить задуманное.

У Тура пересохло в горле. Что он несет? И почему жрец Велеса сидит, словно посох проглотил, и не вмешивается? Только оглаживает свою проклятую бороду и кивает! Как они смеют так нападать на Ярославу? Тур рванулся вперед, но здоровенная рука одного из храмовых «молодцов» удержала его на месте. И сердце господаря Тура Светозаровича из славного рода столбовых столичных дворян наполнила ярость. Она заставила его очень метко и сильно ударить локтем промеж глаз храмового охранника, ужом проскользнуть между столами, настигнуть проклятого Третьяка и двинуть тому в челюсть.

В челюсть Тур не попал, попал в нос, но от этого было не легче.

В тот же миг из его глаз посыпались искры от ответного удара Третьяка, а вокруг началось что-то невообразимое.

Один храмовый воин кинулся разнимать его и Третьяка, вцепившихся друг в друга. Раздался женский вскрик и по-

сыпались ругательства, судя по голосу, купца Распуты. Тур вскользь удивился столь богатому запасу брани у прилично-го человека. А затем послышались чей-то вопль «давно об этом мечтал!», какая-то возня и удары.

А потом все внезапно стихло, и у Тура застучали зубы. От холода. От жуткого невообразимого и неумолимого холода. Он с трудом оторвал руки от Третьяка и со стоном упал на скамью, пытаясь понять, что происходит. Люди вокруг неуклюже двигались. Тур глубоко вздохнул, рискуя обжечься ледяным воздухом, но понял, что все прошло. В отделении снова было жарко, как и полагается в летний день. О произошедшем напоминали только дохлые замороженные мухи, валяющиеся на полу.

Тур тяжело дышал и ощупывал скулу. Похоже, будет большой синяк, лишь бы глаз не закрылся.

— Прошу прощения, я всего лишь хотел остановить это побоище, — раздался голос гостя, чужеземца Баяна, о котором все позабыли. — Мне уже изрядно надоело здесь сидеть.

— Я не буду спрашивать, как вы это сделали, — проговорил Распуты, покусывая губы.

— Почтенные люди, а ведете себя, словно тати с большой дороги, — зазвучал укоризненный бас жреца. — Позор-то какой — бросились друг на друга аки звери дикие.

Его борода была мокрой от растаявшего льда.

Два молодца держали Путятю и Ворона, злобно смотрящих друг на друга. У одного была разбита губа, у другого

подбит глаз. На скамье рядом с еще одним охранником и Распутой сидел Третьяк, прижимая к носу платок. Четвертый воин божий, которого так ловко вырубил Тур в самом начале, держался за голову. Бажена стояла у стены, закрыв рот руками.

На плечо Тура легла рука.

— Зачем вы так? Мне же ничего не угрожало, — раздался мягкий голос. — Но все равно спасибо. Я очень тронута.

Столичный дознаватель поднял глаза и увидел Ярославу.

— Ох, юноша, юноша, — укоризненно сказал жрец Велеса. — И вы подумали, что я позволю обидеть мою сироту?

— Это... — Тур посмотрел на Третьяка. — Вы все это придумали?

Тот поморщился, шмыгнул разбитым носом и кивнул.

— Но последнее колдовство лежит на вас, — буркнул он угрюмо. — Почтенный Баян, или как вас там, будьте любезны дернуть веревку рядом с вами. Надеюсь, она еще цела.

Тур только открыл рот, а в дверь уже входили очередные «молодцы», только не храмовые, а самые обычные служащие отделения.

— Бажена вдова Морозова, вы арестованы за убийство Чернавы Вороновой жены. Вы имеете право подать челобитную в столичное отделение с тем, чтобы попросить смягчения приговора. А теперь проследуйте в место своего предварительного заключения.

Третьяк снова шмыгнул носом.

Тур все-таки забыл закрыть рот, провожая глазами упирающуюся Бажену. Она путалась в юбках, вырывалась и страшно ругалась.

— Что б тебя навьи твари сожрали, кошка драная, все из-за тебя! — вопила Бажена, указывая на Ярославу. — Ты же понимаешь, у меня не было выхода. Не будь ты таким жалким тюфяком, пришла бы мне удача. — Это уже относилось к Ворону.

— Не могу поверить. Она все время была рядом со мной, сочувствовала и поддерживала. — Ворон рухнул на скамью и закрыл лицо руками. — Что я скажу отцу?

— Кто о чем, а голый о бане, — ехидно сказал Путята, облизывая разбитую губу.

— Спокойно, — подошедший жрец Велеса положил руку на плечо готового уже вскочить Ворона. — Иначе уважаемый Баян рассердится.

Тур глянул на прячущуюся в бороде жреца улыбку, потом на гостя и тяжело вздохнул. Его план с треском провалился. Коварный Третьяк преуспел и обошел его. Однако жалеть о чем-то было уже поздно, да и незачем.

Тур любовался на сосредоточенное лицо Ярославы, которая осматривала его глаз, и блаженно улыбался. Леший с ними со всеми — и с Путятой, и с Третьяком и его дурацким спектаклем. Он счастлив, и пусть они тоже радуются. Может, добрый Путята будет пореже топить людей.

И столичный дознаватель впервые за все время, проведен-

ное в Чернограде, перестал чувствовать себя чужаком.

Лют увидел, как из следственного отделения стали выходить люди и потянул Томилу за рукав. Он уже успел допить свою брагу, причем совершенно законно. Томила в этот раз даже не вспомнила о канаве и крысах. Беспокоилась.

Брательница устремилась к мужу, и Лют побрел за ней. Среди собравшихся он не увидел Бажену и с удовлетворением понял, что они с Распутой были правы. И ведь это он, Лют, пролил свет на многое из этого дела. Без него подлюю Бажену так и не поймали бы.

Странно, а почему они все какие-то побитые? Тур этот с наливающимся синяком под глазом стоял рука об руку с Ярославой рядом с говорившим им что-то верховным жрецом Велеса. Лют про себя горестно вздохнул. Путята поджимал явно разбитую губу и косился на Ворона, окривевшего на один глаз. Да что там говорить — дознавателя Третьяка, похоже, кто-то очень метко двинул в нос. Вот он, держит платок у вышеупомянутой части тела и тихо беседует с богато одетым незнакомцем. Это еще кто такой?

Когда Лют посмотрел в их сторону, чужак поднял глаза, и они блеснули изумрудами и расплавленным золотом. Лют зажмурился и помотал головой. Может, хватит на сегодня браги?

– Вы правильно угадали с перьями, — говорил Третьяк,

удобно расположившийся перед благодарными слушателями в любимом кресле Томилы. Она пожертвовала им в обмен на историю убийства. — Бажена просто взяла стрелу у Ворона так же, как еще раньше утянула кистень у Путяты. Она верно рассудила, что он бросит тень на и так не слишком чистого перед законом кабатчика. — Третьяк отпил квас и блаженно вздохнул. — Господарь Тур так и жаждал его крови.

Столичный дознаватель, держащий на скуле у глаза кусок льда, недовольно прищурился.

— Но как вы-то заподозрили Бажену? — обратился к нему Лют, который окончательно решил сменить гнев на милость и смириться с женихом прекрасной Ярославы.

— Ложь, — коротко ответил Тур. — Я вспомнил, Ярослава упоминала о том, что непонятно, правду ли говорит Бажена. Я выяснил, что дела ее плохи, много долгов, дом заложен, и замужество с Вороном полностью спасает ее. Но она упорно отрицала, что хочет за него замуж, даже слишком упорно. И я предположил, что Бажена может лгать не только в этом.

Третьяк задумчиво покивал.

— Почтенному Распуте и вам, Лют, я от имени черноградского следственного отделения выпишу благодарность, — сказал он. — Не признай вы в перьях остатки стрелы, и не сообрази уважаемый Распута про кольцо, я бы до сих пор топтался на месте.

— Да если бы я вспомнил, — махнул рукой Распута. — Много их ко мне приходило, привороты-то просить и

кольца зачаровывать. Вот Лют, значит, молодец, понял, что к чему.

Лют тоже хотел скромно приуменьшить свои заслуги, но ему помешала Томила.

— Я так и не поняла, как убили Чернаву, — сказала она. — Лют говорил что-то про стрелы.

— Бажена придумала использовать колдовство для убийства, только весьма необычным способом. Разобрала кистень Путяты и прицепила заговоренное у почтенного Распуты кольцо к цепи. А стрелу Ворона зачаровала на это кольцо. — Третьяк вздохнул. — Вот уж поистине противное дело. Бажена давно уже втерлась в доверие несчастной Чернаве и якобы помогала ей вернуть любовь мужа. Чернава и поддалась на уговоры. Ночью в определенное время встать в определенном месте в доме и сказать заветные слова. А сама Бажена точно в это время спокойно высунулась из окна своего дома, натянула лук и выстрелила. Силы там особо не требовалось. Заговоренная стрела полетела прямо к притягивающему ее кольцу, сбила тяжелую головку кистеня, спрятанную в нужном месте заранее, и... В общем, неприятные подробности мы опустим. Стрела вспыхнула и сгорела, и на месте преступления мы обнаружили только непонятные перья и само орудие убийства. Никто не приходил, никто никого не видел. Чисто сработано.

— О, — коротко сказала Томила. — Знала бы, никогда не пригласила ее в свой дом. Подумать только — какая гадкая

особа! Но перья-то? Почему они остались?

— Вот здесь наша гадкая особа и попалась, — улыбнулся Третьяк. — Насколько я понял из объяснений...эээ... свидетеля господаря Тура, в ту ночь мог идти дождь. А на намокшие перья колдовство, увы, не подействовало.

Все глубокомысленно помолчали.

— Смелый вы человек, господарь, — сказал Распута. — С этим вашим, значит, Баяном. Мудрейший чуть окончательно не поседел, когда понял, кого вы привели.

— Кого? — в один голос спросили Лют и Томила.

— Да змей это был, — устало ответил Тур. — Я его уговорил пойти свидетелем после шуток уважаемого Третьяка. Именно змей зачаровал стрелу Бажене. И поэтому ей и пришлось заложить дом, чтобы расплатиться. Она всем рискнула ради замужества с Вороном. Но у меня не было против нее ни единого доказательства, и пришлось рискнуть.

Лют вспомнил золотые глаза незнакомца. Не показалось. Значит, можно бросить квас и выпить еще браги. Он опасно покосился на Томилу.

— Да вы с ним, как я посмотрю, уже друзья, — недовольно сказал Третьяк Туру. — Устроили мне балаган в отделении. Я все спланировал, договорился с мудрейшим и почтенным Распутой, как сделать так, чтобы Бажена от неожиданности сама призналась. А вы на меня драться кинулись. А потом чуть всех не заморозили.

— Вы напали на Ярославу. Могли бы меня поставить в из-

вестность о ваших планах.

— Вы со змеем в лесах гуляли, — съехидничал Третьяк. — Боярыня была предупреждена. — Третьяк осторожно потрогал нос.

— А из-за чего сцепились Путята и Ворон? — спросил Лют.

— Ворон решил, что Путята хочет сбежать под шумок и остановил его. А Путята возьми и дай ему в глаз со словами, что, мол, давно мечтал об этом. Что Ворон гад, и из-за его тупости и непорядочности произошла вся эта история. Ворон в долгу не остался. Думаю, дело тут было в боярыне Ярославе.

Лют открыл рот, но гневный взгляд Томилы отбил охоту говорить.

— В чем-то он прав, ваш злодей Путята, — сказал за Люта господарь Тур.

— Х-м-м... — промычал все-таки Лют. — Интересно, а сам-то Ворон на ком хотел жениться?

— Чего бы он ни хотел, понимал, что Бажену отец ему не простит. Поэтому и тянул с решением, — ответил Тур. — Мне еще писать отчет почтенному Булату, — с тоской прибавил он.

— Да чего уж там, я сам напишу, — великодушно сказал Третьяк. — А вы подпись поставите и повезете радовать Булата. Теперь он может с чистой совестью готовить пышную свадьбу.

— Спасибо, — удивленно сказал Тур и растерянно заморгал. Не ожидал, похоже, такого подарка от черноградского дознавателя.

— У вас же тоже будет свадьба? — спросила Томила, и Лют все-таки скрипнул зубами. — Давайте сыграем ее в нашем славном городе. И мудрейший жрец будет очень доволен.

— Томила, наверняка господарь сам захочет решить... — начал Лют, но брательница уже зацепилась за мысль.

— Соглашайтесь, — говорила она, видя нерешительно пожимающего плечами Тура. — Мы поможем вам все организовать. И это будет самый замечательный праздник, который вы только можете себе представить. — Ее глаза заблестели в предвкушении любимого дела — готовить пир. — Весь город соберется. Ваши Ворон с Булатом в столице от зависти кафтаны сжуют.

Лют еще не видел того героя, что устоял бы перед напором Томилы.

— Раз так, то я напишу родственникам... — пробормотал Тур.

— Только смотрите не развалите город. И музыкантов других позовите, — скрипуче захихикал Третьяк. — А то... хе-хе... озеро из берегов выйдет.

— Беда какая, — с притворным отчаянием закатил глаза Тур. — Где ж вы всех утопленников хоронить-то будете?